

ГОРОД ВО КРОВИ

МИХАИЛ ОСТАШЕВСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Осташевский

Город во крови

«Автор»

2022

Осташевский М.

Город во крови / М. Осташевский — «Автор», 2022

В городе беспокойно. Он окутан мраком судеб. Кто-то уверовал в древних богов, сила которых растёт с каждым днём. Те, кому нечего было терять, перешли на сторону бандитов. Измученный народ, как слепцы, верит в местную власть. Кто-то думает, что выборы ничего не изменят, и хочет анархии, а трусы просто забились в норы и ждут — ждут, когда мрак пройдёт и наступит день. Но люди ещё не готовы. Всё переплетётся в этом городе. Городе во Крови. Содержит нецензурную брань.

Михаил Осташевский

Город во крови

Глава 1

За стеной в очередной раз за эту ночь раздалась громкая крепкая ругань, а за ней – и детский плач. Соседи опять что-то не поделили: муж с женой, обременённые нежеланным ребёнком. Вся коммуналка с нетерпением ждала, когда эту семью выселят за шум и беспорядки, но их держали неприлично долгое время. Между жильцами ходили слухи, что неблагополучная семья платила за комнату двойной тариф, и коменданту было невыгодно выселять их, даже не смотря на жалобы от других жильцов.

Удар посуды об стенку снова разбудил Антона. Посмотрев на часы, он сунул голову под подушку, прячась от криков. Вставать дико не хотелось, но и на пост опаздывать было нельзя. Антон снимал комнату в одном из сталинских домов на Московском проспекте. Сотни квартир выкупили за копейки риелторы – под сдачу. Большинство из его соседей были военнослужащими, так как в основном только они могли позволить себе снимать жильё тут – район считался не самым плохим в городе. Но за последний год Антон видел несколько семей с детьми, в том числе тех, что проживали за стенкой. Обычно долго они не задерживались. Их выселяли из-за долгов и детского плача. Такие были порядки: люди отдавали последнее за ночлег под крышей и в тишине. Домоуправляющему приходилось идти на крайние меры, чтоб поддерживать дороговизну комнат.

Многие люди из спальных районов города оставили свои квартиры из-за слабой работы атомной электростанции. Она была выведена из эксплуатации в двадцатом году, в связи с окончанием срока работы. Планировали построить ей замену, но из-за катастрофы финансирование работ приостановили, город и область теперь держались на одних ТЭС и ветряках. Электричество подавалось только на близлежащие к метро дома и было очень дорогим. Так же имелись проблемы с водой. Из-за её нехватки люди редко мылись дома, предпочитая общие городские бани. К тому же ещё и из-за антисанитарии куда быстрее распространялись болезни, а лекарств в городе не доставало.

Часы показывали шесть тридцать две, оставалось полтора часа до работы. Антон быстро оделся – он не любил подолгу валяться в постели без дела – и поставил чайник. Запив чаем засохшую булку, он накинул на себя камуфляжную куртку и вышел из дома. Через дворы направился к метро «Фрунзенская». Пустые серые улицы недружелюбно встретили его. Моросил лёгкий дождь, но жёсткий ветер превращал капли в быстрые потоки острых стрел, бьющих по лицу. Комендантский час заканчивался только в семь, поэтому Антон торопился к станции, чтоб не натолкнуться на патруль, хоть у него самого и был пропуск. Метро также открывалось в семь утра. Пришлось немного подождать, пока главный станционный комендант поднимется и сам откроет единственную рабочую дверь на станции; остальные были заколочены.

– Опять на пост, Антон? – спросил сонный комендант в военной форме, пропуская Антона в вестибюль.

– Как и всегда, стабильный график уже как третий год. А вам не надоело каждый день эту дверь открывать?

– Незавидная работа, не правда ли? Но, в соответствии с комендантским часом, открываю – закрываю. Зато ответственность какая, думаешь, просто следить за порядком? У меня всего пять человек на станции, а бомжи только так на станцию прошмыгивают, вонь от них такая! Людям работать мешают, воруют. На чай-то зайдёшь? До поезда ещё минут пятнадцать, успеем по-быстренькому.

– Не, Алексеич, я лучше на работу, – отмахнулся Антон.

– Ладно, эскалаторы я запустил, на тебе жетончик на дорожку, я пока тут останусь, Надька не поднимется, спит, наверно, дурёха, как всегда, а тут, может, ещё кто зайдёт.

– Спасибо, Алексеич, удачной смены.

– Да какая тут смена, двадцать четыре часа, семь дней в неделю...

Антон бросил жетон в турникет, спустился вниз и увидел просыпающуюся станцию. «Фрунзенская» была небольшой, всего метров сто в длину. С десятком выдолбленных в бетоне арок. Вся правую часть станции заставили палатками. Поезда ходили лишь по левой стороне. Торговцы уже расчехляли палатки и выкладывали свои товары. Подходя к первым аркам, он учуял запах жареного мяса. «Давид уже работает, перекусить бы», – подумал Антон.

Он подошёл к прилавку с оригинальным названием «Мясо по-кавказски», выцарапанным на деревяшке ножом. Владельцем был, наверно, единственный азербайджанец, работающий в городе. После похолодания все южане съехали, но Давид прочно обосновался в городе. Довольно большой по сравнению с остальными шатёр находился прямо в середине станции. Из трубы валил дым и коптил уже далеко не чистую побелку на потолке. Несмотря на восхитительный запах, Антон не особо доверял мясу. Никто не знал, откуда оно каждое утро появляется у Давида. Ходили слухи, что он нанимал местных мальчишек, которые отлавливали бездомных животных и тащили тушки к нему. Напрямую, конечно, Давиду этого никто не говорил – был риск попасть в чёрный список.

Несмотря на тайну производства, цена была далеко не демократичная. За пятьсот рублей покупатели получали три куска мяса с вертела и ломоть лаваша – некое подобие шавермы на тарелке, иногда без овощей. Если денег не было, Давид с особенным пристрастием принимал золотые украшения в обмен на еду.

На его толстой шее висело несколько толстых золотых цепочек. Ряд золотых зубов ослеплял каждого покупателя. Всегда богато одетый, Давид сегодня был в бархатной фиолетовой тобе, широких штанах и чёрных мокалинах. По его лысой голове градинами лился пот – лишний вес и горячий вертел никогда не оставляли Давида сухим. Он обслуживал бедняка, и, видимо, разговор оказался не самым приятным, так как спустя мгновение Давид с пустыми шампурами в руках выскочил из-за прилавка и с криками и проклятьями на своём языке отогнал бедолагу от своей палатки.

– Эй, Давид! – крикнул Антон, немного не доходя из опасений попасться под горячую руку. – Обслужи-ка лучше постоянного покупателя.

Повернув голову в сторону Антона, тот растянул рот до ушей в золотой улыбке.

– Э-э-э, дорогой, проходи, конечно, я люблю постоянных покупателей, – сказал Давид с диким акцентом.

– Мне как обычно, одну порцию. Хорошо, деньги до зарплаты остаются. А ты куда свои тратишь? На побрякушки всякие?

Давид жадно выхватил пятисотенную бумажку и начал просматривать купюру на свет.

– Да настоящая, настоящая. Ты каждый раз их проверять будешь?

– А то! – отозвался Давид. – Мои поставщики ой как не любят фальшивки, голову оторвут, мамой клянусь.

Положив деньги в карман, он ловко развернул вертел.

– Что хотел тот мужик? – спросил Антон. – За что ты так с ним?

– Просил еду в долг, а когда я отказал, он начал угрожать мне! Мне! – Давид взмахнул рукой. – Говорит, что подожжёт весь мой шатёр! Хорошо, охрана тут, на месте, и работает круглосуточно. Я лично позабочусь, чтобы этого шайтана больше на станции не было!

– Да ладно тебе. Тут люди с голодудохнут, а ты цены задрал. Вот и злятся.

– Э-э-эй, брат, будешь так говорить, я и тебя так же прогоню! Я тут три года работаю. Три года! В своё время понадавал в долг. Хватит! До сих пор мои ребята с них по копейке выбивают. Так ещё эти, как их там? Проценты.

Он грубо бросил тарелку с едой на стол.

– А ты ешь давай и проваливай. Нечего с утра мне настроение портить!

Время уже поджимало. Антон торопливо съел содержимое тарелки, кивнул Давиду и пошёл к перрону. Поезда ходили по определённом расписанию, примерно раз в полчаса. На одной из колонн висела небольшая бумажка с расписанием.

У спуска с эскалатора он заметил странную женщину. Она выглядела слишком необычно. На ней было длинное яркое платье в пол, поверх которого накинут рваный серый пуховик. На ногах были самые настоящие валенки, а голову покрывал платок в цветочек, под которым она прятала лицо. На груди висели странные украшения разных форм. Женщина уверенным шагом направилась на перрон и остановилась рядом с Антоном. «Язычники», – брезгливо подумал Антон. Язычников не любили в городе и держались от них подальше. Про них ходили страшные слухи.

Через пару минут подошёл поезд, и Антон, войдя, опустился на свободное место. Состав был почти пуст, помимо него и женщины в вагоне находилась всего пара человек. Несмотря на обилие свободных мест, женщина уселась рядом с ним. Каково же было его удивление, когда из-под разноцветного платка на него посмотрели уставшие старческие глаза. В целом – приятная старушка, аккуратно одета, в пёстром платье и платке. Но глаза – глаза так и норовили заглянуть прямо в душу. Холодные и бесцветные, они за несколько секунд бегло осмотрели Антона, затем остановились на его лице. Она улыбнулась так, будто бы его узнала.

– Здравствуй, милёк, – добродушно заговорила бабулька. – На службу едешь?

– С чего вы взяли? – попытался выразить удивление Антон.

– Ну как же. Вон здоровый какой. Ботинки у тебя солдатские, такие у сына моего были, очень уж похож ты на него. Да только погиб он.

– Ох... Соболезную! – выдавил из себя Антон. В его планы не входило выслушивать языческую болтовню.

– Как за границей эта проклятая болезнь началась, так и отправили моего сыночка под Хабаровск, Родину защищать, – продолжала старушка. – Хороший был сынок, денег присылал нам с отцом. А потом как зараза через границу перебралась, так и закрыли его в карантине. Долго не протянул, видимо: через полгода пришло письмо из комитета, что умер-то сынок мой от заразы. Героем объявили, медаль прислали, да только кому она нужна! А тут ещё от горя старик мой помер. Я сейчас к ним еду, в этот комитет. Хотела похоронить его по-человечески, сынка-то. Хотела, чтоб прислали сюда его останки, домой. А они Володеньку моего там, вместе со всеми в общую яму скинули, даже не говорят, где именно. Да и куда же я поеду, старая, на Дальний Восток-то. Цены на билеты видел? За всю оставшуюся жизнь не расплачусь. Сынок, может, знаешь кого оттуда, кто бы помочь смог? – женщина с надеждой посмотрела на Антона.

– Никого так сразу не вспомню. Вам бы лучше в Москву написать, президенту, – усмехнулся Антон. – Он уж точно поможет.

Антон прекрасно знал, что становится с письмами, которые сотнями приходят на почту комитета, и понимал, что женщине никто не ответит, но не стал её расстраивать.

– Да куда я только ни писала. И президенту, и нашим этим, Орлову, Кулакову. Всё без толку.

– Не советовал бы вам в комитет соваться. Там охрана суровая, людей лишних не пускает. Только проблем наберёте. Сколько лет назад сын ваш умер? Год или два? Уж поверьте, сейчас его никто перевозить не будет, столько времени прошло. Езжайте лучше домой.

– Никого у меня больше не осталось. Сына потеряла. Мужа потеряла. Даже Боги мне не отвечают. Некуда мне больше идти.

Женщина ещё пару раз пыталась начать разговор, но Антон отвечал нехотя, пока не приехали на Горьковскую.

– Ну что, бабуль, пора мне выходить, Родину охранять. Дам вам совет: не ходите вы к этому комитету. Только время зря потратите.

– Я тебе тоже совет дам. Бежал бы и ты с работы этой, а то отправят чёрт знает куда. А то и под суд попадешь. Помяни моё слово. Вижу, горе за тобой по пятам бежит! – как-то зло ответила старуха.

Антон вышел из поезда и недовольно поплёлся в сторону эскалатора, периодически оглядываясь. Женщина, погрузившись в свои мысли, медленно шла за ним.

Новое здание Комитета Городской Безопасности, как и всего Правительства, находилось на острове, в Петропавловской крепости. У ворот перед мостом уже собралась небольшая очередь из сотрудников. Охрана проверяла документы и обыскивала каждого, кто намеревался попасть внутрь.

Их оружейная комната и раздевалка находились прямо в помещениях крепостной стены внутри острова. Вдоль Кронверкского пролива по обе стороны стоял высокий забор из чёрных железных прутьев. Второй пропускной пункт был чуть западнее, на втором мосту, и использовался для въезда и выезда машин. Каждый КПП был усилен несколькими вооружёнными бойцами возле ворот.

Такую охрану поставили не просто так. Несколько лет назад, в период массового голода, волнения захлестнули весь город. Народ попытался прорваться к зданиям городского правительства и комитетам. Несколько десятков тысяч человек закидывали дома камнями и самодельными коктейлями Молотова. Приехавшие пожарные пытались отогнать протестующих водой из брандспойтов. Но тех было чересчур много. Массивные металлические двери были заперты изнутри, без специального тяжёлого оборудования их просто невозможно открыть. Военные, вооружённые пулемётами, высунулись из окон второго этажа, давая предупредительный огонь. Люди продолжали кидать камни и палки, ломая входную дверь. Когда в одно из окон здания залетел коктейль Молотова, остальные оборонцы открыли огонь по первым рядам наступавших. Откуда-то из центра толпы последовали очередные выстрелы, положившие ещё несколько солдат. На Литейном началась паника. Народ бросился врассыпную, спасаясь от выстрелов. Тогда живьём растоптали пару десятков человек, ещё несколько десятков были убиты или ранены пулемётным огнём. Из солдат погибло только восемь.

После этого происшествия губернатор срочно принял решение перенести правительство в более безопасное место. За полгода на территории Петропавловской крепости отстроили несколько зданий для руководства и комитетов.

Несмотря на май месяц, погода вела себя совсем не дружелюбно. Сильный, холодный ветер дул со стороны Невы, обдавая щёки морозом. Уже привычная для этого времени года температура никак не позволяла деревьям расцвести, а льду на реке – растаять.

Смена Антона на западных воротах начиналась через пятнадцать минут. Он зашёл в здание охраны, поздоровался с оружейником Николаем Ивановичем и направился в раздевалку. Состав его смены редко когда менялся, и в помещении, как и ожидал, он увидел всех троих своих напарников. Смена делилась на пары. Снаружи с Антоном работал Макс – здоровенный амбал, два с лишним метра ростом, с глупым лицом и сильными руками. Этаким русский Джон Рэмбо.

В другой паре работал Миха – не самого высокого роста, толстоват, слеповат, да и вообще с виду мало подходящий на должность охранника. Поговаривали, что он попал сюда исключительно благодаря связям. Санёк был последним в этой четвёрке и пришёл пару месяцев назад вместо старого Олега Петровича, которого отправили на пенсию по возрасту. Санька прислали из Москвы в так называемое подкрепление. Там он занимался бумажными работами и с оружием почти никогда не сталкивался.

– Э, Мих, очки не забыл? – засмеялся Макс. – Чего невесёлый такой? О, старший пришёл, здорово! – поздоровался Макс с вошедшим Антоном.

– Парни, привет! – Антон обменялся рукопожатиями. – Опять свои глупые шутки?
– Иваныч тебе ничего не говорил? Вчера, говорят, какие-то парни приходили с Купчино. Требовали «поговорить» с руководством, выдать им жильё – что-то такое. Человек пятнадцать-двадцать, а то и больше. Постояли да ушли. Так что сегодня повнимательнее надо быть.

Парни собрались и пошли на пост, сменив дежурных ровно в восемь.

Ближе к полудню на несколько секунд выглянуло солнце.

– Последний раз я видел солнце в августе того года, – заметил Санёк. – Ещё у себя в Николаевке.

– Где это вообще? – спросил Миха.

– Да под Москвой, оттудова я. Забыл, что ли? Десятый раз спрашиваешь.

– Надеюсь, скоро весь пепел осядет, и настанут тёплые дни. Может, тогда и город восстановится, и всё станет как прежде, – с надеждой сказал Антон.

– Учёные говорили, ещё тогда, в девятнадцатом, что вулканическая зима продлится около десяти лет. Так что ещё не скоро, – заверил напарника Миха.

– Дай бог дожить бы.

С той стороны ворот незаметно подъехало два автомобиля. Явление было нечастое, так как мало кто мог себе позволить цены на бензин. Если КАМАЗ, загруженный солдатами, не вызывал особого удивления, то гражданский автомобиль, так ещё и бизнес-класса, заставлял людей пялиться в окна и оборачиваться. В городе такие машины могли позволить себе только большие «шишки» из комитетов и ещё оставшиеся бизнесмены, ходившие в друзьях у правительства и занимавшие высокие посты.

После многозначительного сигнала автомобиля охрана засуетилась. Как у старшего, в обязанности Антона входила проверка документов у водителя и у пассажира, если по рации не поступала обратная команда. Не все машины подвергались проверке – самые серьёзные личности, начиная с председателей комитетов и заканчивая губернатором города, под эту процедуру не попадали. Номера на машине были незнакомы, да и сама она не входила в список машин руководства, а он их всех знал наизусть. Но сейчас рация молчала, и Антон смело направился к водительскому окну первой машины.

– Чё надо? – спросила рожа в чёрных очках, принадлежавшая сидящему на водительском сидении.

– Документы, пожалуйста, – спокойно отреагировал Антон. Обычно водители спокойно относились к осмотру документов.

– Ты охренел? – взревела «рожа». – Ты хоть знаешь, кого везём?

Антон махнул рукой Максусу. Тот поднял оружие и медленно направился в сторону машины.

– Я ещё раз повторяю: документы, пожалуйста, – слегка повысил голос Антон.

Заднее окно второго автомобиля опустилось, и из него раздался строгий мужской голос:

– Сынок, подойди-ка сюда.

Антон дал команду Максусу и Саньку не пускать машину и направился к открытому окну. Голос показался чертовски знакомым. На заднем сидении находился пожилой мужчина в новом сером костюме, с дорогими часами на левой руке, на его коленях лежала длинная чёрная трость. Одет он был свежо, чего нельзя было сказать об уставшем лице. Оно прибавляло десятку к его и так немолодым годам. Не может быть...

– Я, конечно, понимаю, служба, но неужели у вас нет приказа пропускать губернатора без досмотра?

– Товарищ губернатор, мы не...

– Ха, меня так ещё никто не называл – «товарищ губернатор».

– Про...ить! Нем...енно! – зашипела рация.

– О, а вот и начальство соизволило сообщить. Впредь будьте внимательны, вы же не хотите потерять такую престижную работу, верно?

– Верно, – только и смог выдавить Антон.

Он отошёл от машины, дал сигнал Михе, чтоб тот поднимал ворота. Рация продолжала что-то шипеть, но уже более грозным тоном.

– Не слышу вас, рация не работает! – ответил он в неисправный аппарат. – Наверное, села батарейка.

Машины уехали, ворота с громким лязгом закрылись, а со стороны комитета к ним уже бежал солдат с новой рацией.

– Начальство разъярено, будьте осторожны, слышал, вас вызовут на ковёр, – предупредил их солдат, забрал рацию и поспешил обратно.

– Солохов. Вы и вся ваша компания в восемь после дежурства ко мне. Будем разговаривать! – предупредила рация.

– Так точно, товарищ майор! – отчеканил Антон.

Он убрал рацию в карман и, опустив голову, поплёлся на своё место. «Первый серьёзный проступок за два года. Как старшему, мне никак нельзя было совершать неосторожных действий, – думал он. – Наверняка губернатор позвонит начальству, а там могут принять воспитательные меры – так называемую показательную порку. Эх, не вовремя он проехал».

– Антох, не грусти. Если и трахнут, так всех, – попытался поддержать напарника Миха.

– Тут вплоть до увольнения может дойти. Всё-таки первое лицо города проехало. Откуда вообще он взялся на этой машине, почему не внесли в список?

– Да чёрт его знает, это начальство. На чём хочет, на том и едет. Похоже, это была машина Власова, его зама. Он единственный, кто остался на своём месте. Храбрый мужик.

– Эй, смотрите! – раздался взволнованный голос Санька. – Эта-то куда прёт?

Санёк показывал пальцем на невысокую женщину, ковылявшую в сторону их ворот. Антон сразу узнал этот пёстрый платок, ведь только этим утром он обратил на него внимание. Её взгляд был всё так же холоден.

– Бабуль, ты к кому? – Макс опять вскинул автомат и пошёл ей навстречу.

– Не по твою душу я пришла, мне мой сын нужен!

Макс посмотрел по сторонам.

– Кто-нибудь её знает? Вы, гражданочка, ошиблись местом.

– Мой сын. Его отправили на восточный фронт, а он так и не вернулся!

– Восточный фронт сняли уже года два назад. Женщина, вы в своём уме? Это Комитет городской безопасности, какое отношение мы к этому имеем?

– Да вас самих так же!.. Попользуются и закопают тут же в ближайшем лесу! – женщина перешла на крик.

– Если вы сейчас же не угомонитесь, придётся вас задержать! – вперёд вышел Санёк, направив автомат на женщину. – Проваливай бабка, язычников мы тут не любим.

– А стреляй! Ну давай же. Хоть наконец сына своего увижу да мужа! – Она схватила автомат и прижала дуло к левой груди. – Что, силёнок не хватит, сосунок? Я требую встречи с вашим генералом. Верните хотя бы тело! Что мне ваше письмо? Им только подтереться можно, а мне сын нужен!

– Убери оружие, идиот! Сдурел, на гражданских направлять? – в разговор вмешался Антон. Пришлось вмешаться, за любые действия охранников отвечал только он. А лишний труп в его смену совсем не нужен. Санёк нехотя убрал автомат и отошёл на пару шагов назад. – Женщина, вы перепутали, вам не к нам, а в приёмную. Это другие ворота, со стороны метро.

– Знаю я, где приёмная, только не принимают меня там. Сумасшедшей считают.

– Немудрено! – усмехнулся Санёк.

Женщина пропустила это мимо ушей и обратилась напрямую к Антону.

– Может быть, ты всё-таки помочь сможешь, вижу же, что парень порядочный.

Вместо ответа зашипела рация, и раздался голос майора.

– Что у вас там за бардак? Почему гражданские у ворот? Убрать немедленно. Вам проблем мало на сегодня?

– Товарищ майор, тут женщина сына ищет...

– Сына? Я ей лично тысячу раз говорил, что похоронен её сын с почестями под Хабаровском. Она уже второй год ходит, гони её прочь!

– Ах ты, старый пердун! Не врите мне, я знаю, что вы специально его туда отправили!

Специально убили! – закричала женщина.

– Понял вас, товарищ майор, конец связи. Ну что же, вы всё сами слышали.

– Помяни моё слово, парень, и вас всех поубивают и закопают.

– Такая у нас работа. А теперь, пожалуйста, покиньте это место.

Женщина сплюнула и ушла, бубня проклятья в их сторону.

– Что же за день-то за такой! – вздохнул Санёк.

– Ещё раз направишь оружие на людей – поедешь домой в свою деревню! – рявкнул Антон. Санёк ему не нравился. Слишком нахальный, слишком трусливый.

– Полегче, начальник, я же не специально, это она сама!

Остаток дня прошёл в напряжении. Антон мечтал, чтоб поскорее кончилось это кошмарное дежурство. Смерть он уже видел, но привыкнуть к этому было невозможно.

В восемь вечера пришла новая смена из четырёх человек.

– Что у вас тут случилось? Иваныч говорит, кого-то убили? – поинтересовался Борис, старший смены.

– Ну, почти, один сумасшедший махал стволом перед язычницей или сектанткой, я в них не разбираюсь, – ответил Макс.

– Сектанты? У нас только одни сектанты в городе и совсем не опасны. Родоверы вроде или родноверы. Уж не веришь ли ты в эти байки про жертвоприношения?

– Ну ведь говорят, рассказывают не просто же так?

– Сейчас я тебе историю расскажу, мне тут один мой товарищ из комитета по пьяни выдал, что разведку там недавно проводил. Ничего серьёзного – так, проверка обстановки, уж сильно зашевелились они. Так вот храм они отбабахали метров пятьдесят, весь из дерева, по крайней мере, снаружи! Внутри не пускают, только своих главных жрецов, охрана там вооружена покруче нас. У них с городом вроде как договор: в дела религии не лезть, но ведь интересно же, что там у них происходит... Вы, кстати, там домой не опаздываете? – улыбнувшись, спросил Борис.

– Ты дорасскажи сначала, потом пойдём, – нетерпеливо ответил Миха.

– К храму прилегает такой же деревянный забор. Высокий, за ним не видно ничего. Храм-то сам в лесу стоит, прямо у озера. Вокруг забора хижины небольшие, наверное, штук двадцать, в них самые преданные приспешники живут, кого в храм не пускают. Озеро себе выкопали, как древние укры – Чёрное море. Ты представляешь? Люди от всего отказываются – от квартиры, электричества – и идут жить в лес. Больные на голову! Одним словом, язычники.

– А про целую сеть огромных парников не хочешь рассказать? – встрял ещё один охранник из смены Бориса. – Они весь город кормят, не то что Москва, сами же знаете!

– Не лезь, малой, – огрызнулся Борис. – Или ты теперь за язычников? Так, может, к Гробчаку своему побежишь на Кировский, он-то с удовольствием возьмёт к себе очередного мальчонку. Ты же знаешь, что они делают с военными? Неважно, бывшими или нет.

Парень замолчал и отошёл на пару шагов назад.

Так вот, один разведчик уже прикидывался бездомным, разоблачили за полчаса. Там все друг друга знают, никого левого нет.

– А что с ним стало?

– Да ничего, как узнали, откуда он, отпустили. Но потом они обвинение кинули на руководство, что, мол, была же устная договорённость. Теперь наши, чтоб отношения не портить, только по периметру разведку держат... Так вот, залёг мой приятель неподалёку, видно только главный вход. Поначалу не было ничего интересного. Телеги с брёвнами, запряжённые лошадьми, везли, видимо, издалека. Они вообще живут странно, лошади у них как грузовой транспорт. Часа через два видит: из одной такой повозки выпрыгивают четыре здоровых парня. Одеты совершенно не по погоде, в одних футболках, чёрные джинсы и военные берцы на ногах. За руки тащили человека с мешком на голове, свой, не свой – непонятно, может, ещё кого нашего взяли. В ворота втащили, а дальше хрен поймёшь, что было. Говорит только, что костёр там как запыляет! Чуть ли не до неба.

– Вот тебе и доказательство, что сжигают! – воскликнул Макс.

– Думаешь, люди так хорошо горят? – усмехнулся один из охранников в смене Бориса. – Врёт всё твой товарищ, а вы верите, дураки.

– Ладно, пост снял, пост принял, – сказал Борис и протянул Антону руку. – Отдыхайте.

– Сначала к начальству на ковёр. Удачной смены.

Глава 2

Капитан сидел в своём купе вместе с первым помощником и пил чай. Их поезд совсем недавно выехал из Москвы и уже набирал скорость. Это был последний день их возвращения домой. После телефонного звонка из главного центра Военно-морского флота на Балтике прошло несколько дней. Ему объявили, что их служба окончена в связи с сокращением боевого состава. Лодка, которой он отдал долгие семь лет, будет списана в резерв, а весь экипаж досрочно распущен по домам, несмотря на действующие контракты. После прибытия в город их отвезут в здание комитета и, скорее всего, отправят на пенсию.

– Ну что же, списывают нас, – зло бросил капитан. Он хоть и рад был возвращению домой, но сильно раздосадован внезапной новостью и расторжением контракта.

– А ты по дому будто не скучаешь, Серёг, – ответил первый помощник.

– Не для того мы семь лет плавали, чтоб нас вот так... Ладно бы дали спокойно дослужить. Осталось-то всего...

– Я знаю, ты просто боишься домой ехать. Но не переживай, найдёшь ты там своих. Я же Петьку и Дашу с самого их детства знаю, не пропадут.

– А ты сам-то не переживаешь? Не тот возраст уже, чтоб так сильно менять жизнь.

– Ну подумаешь – пенсионер. Радуйся, что ты военный, а то так батрачил бы где-нибудь на заводе до шестидесяти пяти.

– Не думал я, что так быстро стану пенсионером. Может, какая-нибудь должность-то найдётся? Слышал я, город погибает, народ уезжает на юг – туда, где тепло. Электричества не хватает, население раз в десять поубавилось, остались только самые стойкие, ну и те, конечно, кто тут родился. Принципиально остались. Одна только надежда: семью увидеть – жену, сына и дочь. Представляешь, семь лет я их не слышал!

– Как и все мы. Да ты не переживай, всё нормально с ними. Матросы с Калининграда те ещё байки рассказывают. Мне вообще в Новосибирск попасть надо сначала. Может, семью сюда к вам перевезу, если жена к другому не ушла. А то чёрт её знает, что она подумала, семь лет – это отдельная жизнь. Слушай, я пойду парней проведаю. Был слухок, что они поляну хотят накрыть.

– Давай, конечно, как что узнаешь, доложи.

– Так точно, капитан! – помощник по-дружески хлопнул того по плечу и вышел из купе.

Улёгшись на кровать, он предвкушал встречу с женой и детьми. Да, его детки сильно подросли. «Младшему сыну, наверное, лет восемнадцать? А может, и больше. Интересно, закончил ли он школу? Поступил ли в университет? Или, может, работает, чтоб прокормиться? Ну ничего, скоро я приду, всё наладится, заживём!» Дочке совсем недавно исполнилось двадцать, он гордился, что у него растёт такая красивая и умная девочка. Но долг службы лишил его возможности полноценно общаться с семьей. Раньше, каждый раз, прибывая в порт Калининграда раз в два месяца, он дозванивался до жены и детей. Кроме последних четырёх лет. Непонятно, что случилось: сломался ли телефон, и не было возможности купить новый, а может, не хватало электричества для зарядки – но связь прервалась, телефон жены был недоступен. Как он ни просил руководство дать ему отпуск на несколько дней – провести, как там семья, его непустили, сославшись на то, «что невозможно оставить подводную лодку без капитана».

Его отвлёк от грустных мыслей стук в дверь.

– Войдите! – крикнул капитан, поднимаясь с кровати.

– Разрешите? – неловко просунул голову в дверь матрос.

– Да, заходи. Докладывай.

– Мы тут с разрешения первого помощника, товарища Макарова, стол накрыли. Вот вас приглашаем.

– А что же за повод такой? – усмехнулся капитан.

– Ну так домой возвращаемся, товарищ капитан, это же почти семь лет вместе плаваем, а тут всё, завтра разойдёмся кто куда...

– Верно говоришь, верно. А водка есть? – немного подумав, спросил капитан.

– Так точно, три канистры!

– Ах вы черти, пронесли всё-таки! Ну пойдём, отведаем.

В вагоне-ресторане собрался весь экипаж. Помимо старшего помощника, в столовой находились все пять командиров боевых частей, два десятка офицеров и примерно сорок мичманов и матросов. Часть успела нацепить парадные костюмы. Все выглядели очень весёлыми и довольными.

– Те, кому на вахту в десять, не напиваться! – отдал приказ капитан.

– Так точно, товарищ капитан первого ранга! – хором ответил ему экипаж. Все были чересчур довольны, так как знали, что никакой вахты уже нет.

Сдвинутые вместе столики образовали один большой. В Москве они стояли всего час, пока их прицепляли к странному военному паровозу с несколькими бронированными вагонами. Причём не на Ленинградском вокзале, откуда обычно ходили поезда на север, а с отдельных путей на окраине города, где не было видно ни жилых зон, ни магазинов. Поэтому, к удивлению капитана, стол ломился от разнообразия еды. Тарелки были полны мясных нарезок, салатов и солений. Большая свиная туша лежала на блестящем металлическом подносе, издавая ароматный запах сочного мяса. Жареные королевские креветки, красная засоленная рыба, несколько горок маслин и оливок, мисочки со свежей красной икрой и нарезанные багеты, даже виноград – на столе было всё, что только можно пожелать. Ближе к углам стояли литровые бутылки без этикеток с прозрачным напитком. Капитан не стал спрашивать, где они всё это достали, только улыбнулся и пошёл к столу. Не успев подойти, он услышал звон от удара вилки по одной из бутылок.

– Налейте же водки командиру! – властным тоном, но с улыбкой сказал старший помощник; было видно, что он уже далеко не трезв. – А теперь потише. Ну-ка! Замолчи, Евгений! Так вот. – Он сильно прокашлялся, выпил подготовленный гранёный стакан воды и продолжил: – Так вот, сегодня я хотел сказать несколько слов о нашем выдающемся, незаменимом командире. Как мы все знаем, наш экипаж был призван почти семь лет назад. Мы неизменно ходим под водой такой долгий срок и ни разу, ни разу за всё это время я не замечал несправедливых решений в отношении себя и других офицеров. Он всегда тщательно разбирался в

каждом вопросе, независимо от звания и чина, будь то офицер, мичман или матрос. Мне было приятно служить все эти семь лет под командованием капитана первого ранга, Драгунова Сергея Владимировича! За вас, капитан!

– За вас, капитан! – подхватили хором остальные.

Помощник залпом выпил содержимое стограммовой рюмки, поставил на стол и начал аплодировать. Все остальные повторили его действия. Водка полилась рекой. Тост шёл за тостом. Никогда ещё капитан не слышал столь большое количество лестных слов про себя. Когда тосты закончились, экипаж разделился на небольшие группки по три-четыре человека, и все о чём-то оживлённо болтали. Подойдя к одной, он услышал разговор о морских чудесах.

– Никак, Жиганов, в кракена веришь? – ухмыльнулся капитан, протягивая полную рюмку водки. – Давай же тогда выпьем, чтоб нас не постигла участь быть сожранным морским чудисцем.

– Кракены существуют, товарищ капитан, они всегда были, есть и будут, – вступился за моряка старый мичман. – Сколько в былое время кораблей затонуло, сколько подлодок пропало в наше время.

– Не припомню что-то. А ну-ка напомни мне хоть одну, – попросил капитан.

– Если из недавних, то в семнадцатом году пропала аргентинская лодка. Никаких следов крушения, никаких обломков – просто пропала, и всё. И неужели вы не помните «Курск»? Вы не такой уж и молодой. Её тоже кракен достал, вы же видели, как её покорёжило. Никакое оружие не могло так загубить лодку.

– Замолчи, старик! – вскипел капитан.

Все собравшиеся вздрогнули и оглянулись на крик. Лицо капитана Драгунова покраснело, руки затряслись, он захотел ударить мичмана.

– Не трогай Курск, все знают, что их сбили американские подлодки! Там у меня были друзья, а ты говоришь, что их съела какая-то морская хрень? Ещё раз я услышу что-то подобное... – капитан осёкся, ведь это был последний день, и он уже ничего не мог делать. Он махнул рукой и поспешил отойти от их компании. Негоже начальнику вступать в споры с подчинёнными. Кто-то верит в кракена, кто-то в Аллаха, кто-то в Будду. Как военный человек, капитан не верил ни во что и считал всё это полнейшей чепухой, веря лишь в силу оружия и боевой дух. Он старался избегать всех этих религиозных тем и не понимал, как люди устраивают войны на этой почве. Для него это всё было вымыслом, сказкой для взрослых.

Капитан несколько минут задумчиво стоял у стола, неторопливо пережёвывая куриную ножку, как услышал довольно интересный разговор в паре метров от себя.

– Мне тут один мужичок рассказывал, торговец с Калининграда, в Европе полная задница. Всё там чурбаны захватили, пришли со своей Африки, гниды. Так ты прикинь, там какой-то папа, то ли римский, то ли парижский, чёрт их разберёшь, не помню, объявил, что чёрных всех резать надо, – начал рассказывать один из мичманов, держа в руке огромную кружку с непонятного цвета напитком, которого не было на столе, и собрав вокруг себя несколько матросов и офицеров.

– Во-первых, никакой он не парижский. Папа Римский – глава католической церкви, а то, что ты называешь резнёй – это Крестовый поход, – перебил пьяного мичмана маленький и шустрый матрос.

– Чё, больно умный, э, матрос? – тот угрожающе посмотрел на подчинённого. – Этому больше не наливать, раскукарекался тут. Да, он, Крестовый, мать его, поход. Ну и, короче, все эти дураки наслушались его и теперь воюют уже как года полтора.

– Почему дураки-то, товарищ мичман? А вы представьте, к вам в дом грязный араб придёт и будет жить с вами, есть вашу еду. Терпеть его, что ли, будете?

– Да не, я тебе чё, терпила? На хер выгоню его. И тебя на хер выгоню, будешь ещё рот тут открывать... Тот мужик ещё говорил, что по телеку специально не говорят про такое.

– А ты, что ли, смотришь его? – вполголоса сказал щуплый матрос, чтоб его никто не услышал, и отошёл с глаз подальше.

– Ты чё там бормочешь? – уже начал наезжать на парня мичман, но тут вступился капитан; ему не очень хотелось слушать всю эту грязь, поэтому он многозначительно кашлянул. – Петрович, ты ещё не слышал про бойню под Гибралтаром.

Мичман вздрогнул, сглотнул и обернулся.

– Товарищ капитан, мы не слышали, как вы подошли, – промямлил он. Капитан с удовольствием отметил, что Петрович побаивается его, даже в таком пьяном состоянии. – А что это? Город какой-то?

– Не совсем, Петрович. Это и страна, и пролив, и город. Так вот эти ваши арабы напали на Испанию со стороны Марокко. Под покровом ночи переплыли пролив и в незащищённом городе перерезали пятьдесят тысяч человек, не жалея женщин и детей. До сих пор никто не понимает, как они незаметно прошли. Ну не мистика ли?

– Этого по телеку тоже не говорили. Придумываете вы, товарищ капитан.

– Конечно, не покажут, это засекреченные сводки одного из наших агентов в Европе. Кому надо, тот знает, зачем народ лишний раз раззадоривать, от нас Кавказ отделился, сами знаете напряжёнку, третья чеченская... До сих пор народ мрёт как мухи в этих горах. Ладно, мужики, не буду вас отвлекать от беседы. Эй, Макаров, ты за старшего. – Капитан, пошатываясь, направился в сторону своего купе.

– Вот гад какой, подслушивал! Ну зато Киев наш, – заулыбался мичман, подождав, пока капитан отойдёт на приличное расстояние.

– Наш-то наш, а толку? Лишние расходы на восстановление городов, инфраструктуры, – понизил голос, ответил один из офицеров. – У нас и так половину флота расформировали. Думаешь, мы первые? Хер там плавал, третья подлодка за последний год – и все последнего поколения.

– Да ты гонишь!

– Да не ори ты так, только вам рассказываю. Денег сейчас совсем нет, сокращают всех, чего думаешь, Кавказ потеряли? Не хватило на финансирование. А про Америку слышал?

– А у них-то что, демократия процветает?

– Негры полстраны захватили, белых в рабство берут, женщин насилюют. У них как Трамп второй срок президентский выиграл, сразу волнения начались, а мексикашки с юга, как прознали про волнения, тут же стену прорвали на границе. Вот она как, история-то повернулась: всё повторяется с точностью до наоборот. Триста лет негры рабами были, над ними и издевались и пользовались, а теперь – посмотри! Две трети населения – чёрные, белых прижимают, аборигены даже своего предводителя выбрали. А народ простой боится, бежит в северные штаты, а южные сейчас называются Свободной Американской Республикой, и там настоящий ад.

– Вот такая демократия, Америка вновь будет великой. Да ну и пусть воюют сами с собой, у нас теперь, кроме немцев, противников нет, а они тут рядом, под боком, мы их и без подлодок на лопатки положим, как в сорок пятом.

– Им сейчас тоже не до нас. Испания и Франция почти пали под арабским гнётом, пусть ими занимаются, а нам страну восстанавливать нужно. Это у нас тут было не так холодно на базе в Калининграде, а чуть севернее, там, где Архангельск или Мурманск, там настоящий мороз. Во-первых, туда невозможно добраться наземным или морским транспортом. Только самолётами или поездами, и то летом. Города полупустые, люди побросали свои квартиры и дома, военные базы пусты, порты тоже. Слышал, может, даже в Москве морозы до минус сорок доходят стабильно. Народу у нас до хрена, все разбросаны по земле-матушке от Калининграда до Владивостока. Пока каждому ложку в рот положишь, они успеют не только вырасти, но и новых ртов наделать. На Китай посмотри – посмотри, какую они цену за перенаселение запла-

тили. Небольшой катаклизм – и всё, самая населённая страна в мире рассеялась, никто и не вспомнит, что она была...

Капитан к тому времени добрёл до своего купе, уселся на кровать и достал из нагрудного кармана фотографию своей семьи. Нежно поцеловав на снимке жену, он бережно убрал фотографию обратно в карман и под шум колёс лег спать.

***

Проснулся капитан около семи утра. Его голова сильно раскалывалась, а тело плохо слушалось. Кое-как встав, он побрёл в вагон-ресторан в надежде найти воды. Увиденное его поразило: пьяные, спящие тела лежали преимущественно в собственной блевотине, запах стоял неимоверно мерзкий. Разорванная пополам свинья с откушенным пятком валялась на полу, кто-то спал прямо в миске с оливье.

– Что за бардак! – покачиваясь, прохрипел капитан. – Немедленно начать уборку!

До прибытия оставалось три часа, и капитану совсем не хотелось оставлять вагон в таком состоянии. Пьяные тела зашевелились, кроме одного.

– Встать! – уже более бодрим и громким голосом гаркнул капитан. – У, сука! – Он пнул спящего по ногам. Тот не двинулся.

– Ты сейчас под трибунал у меня пойдёшь за неподчинение руководящему составу! – сказал капитан, пнув того посильнее.

Постояв секунд пятнадцать, он наклонился к телу.

– Зеркало мне быстро, и врача! – глаза капитана испуганно начали бегать по залу в поисках доктора: он не нашёл пульс на руке матроса.

Кто-то из поднявшихся матросов оторвал зеркальце у раковины и подал капитану.

– Чего остановился, теперь за доктором! – Капитан поднёс зеркало под нос лежащего матроса и стал искать признаки дыхания. Не обнаружив того, что искал, он в растерянности сел на пол.

Прибежавший врач сразу перевернул матроса на спину, но тут же отошёл от него, закрыв нос рукой.

– Соболезную, капитан, он мёртв. – Сердце капитана застучало, как очередь автомата, потом остановилось и упало: перед ним лежал старший мичман, который рассказывал про кракена.

– От чего?

– Точно сказать не могу, но скорее всего захлебнулся, вероятно, водкой. – Врач указал на разбитую рюмку у ног лежащего. – Он тут давно лежит, такой запах характерный, может, часов пять, а то и побольше.

– Отнесите его в свободное купе, – встав на ноги, распорядился капитан.

Двое крепких ребят взяли бывшего напарника за ноги и руки и понесли, капитан побрёл за ними. «Впервые за двадцать девять лет потерять подчинённого, и это в последний день службы. Такая подстава! Теперь серьёзного разбирательства не миновать».

Командир быстрым шагом направился в своё купе; его долгом было сразу же доложить о происшествии напрямую начальству. В одном из чемоданов где-то завалился старенький мобильник. Последний раз он его доставал месяц назад – просто убедиться, что тот полностью заряжен на всякий случай. Случай настал.

«Как же объяснить-то, ведь не положено...»

Подумав с минуту, он набрал номер своего начальника.

– Валерий Андреич, здравия желаю!

– Здорово, Серёга, скоро прибываете, по какому поводу звонок в такую рань?

– ЧП у нас, Андреич, труп.

– Как труп? – новость была настолько неожиданной, что Валерий Андреевич подавился и закашлял.

– Захлебнулся. Старший мичман Заселин.

– Подожди, я тебе перезвоню. – Валерий Андреевич бросил трубку.

Капитан достал из чемодана пыльную фляжку с рюмкой, налил содержимое до краёв и залпом выпил. Головная боль проходила, алкоголь быстро разошёлся по организму, и стало немного легче. Минуты ожидания растянулись в часы, он пытался вспомнить хоть что-то, что могло помочь разбирательству. Да и вообще, что это был за человек. Резкий телефонный звонок заставил вздрогнуть капитана.

– Да, слушаю. Драгунов.

– Это я. – Услышал в трубке голос своего начальника. – Звоню с защищённой линии, никто не должен слышать этот разговор, если не хочешь подохнуть в тюрьме.

– Что, так всё серьёзно? – капитан судорожно вытер пот со лба.

– Сейчас всё серьёзно. Новые порядки, неугодных лишь бы убрать, а ты сейчас ой как неугоден. Кулагина помнишь? Так вот он сейчас главный судья военной комендатуры города. До сих пор зуб на тебя точит, копает под тебя вовсю. А ты так подставился.

– Так что же делать-то? – вздохнул капитан.

– Избавься от тела, другого выхода я не вижу. Только все твои бойцы должны молчать. Или объяви его дезертиром, скажи, что сбежал на последней остановке в Москве. Я не смогу подтвердить, получим по выговору за несвоевременное сообщение. Скажешь, что пытались сами решить эту проблему. Это всё, что я могу сделать.

– А как же родные? Насколько я знаю, у него была жена и дети. Нельзя так просто взять и обвинить человека в дезертирстве, это сильно ударит по ним.

– Это теперь тебе решать. Я совет дал, по старой дружбе, а ты думай. И так в дерьмо лезу за тебя. Позвоню через час, скажешь мне своё решение. И помни: повесят в любом случае всё на тебя. Конец связи.

– Вас понял, товарищ контр-адмирал.

– Так получилось, что теперь все меня называют генералом, не вноси путаницу, когда приедешь. И вот ещё что. В голове поезда с вами едет надёжный человек, мой человек. Его зовут Олег Власов, сходи к нему, скажи, что от меня, объясни ситуацию.

– Зачем он мне? – спросил капитан.

– Он парень смышлённый. Может, что придумает. Поэтому он и занимается доставкой груза.

– Какого ещё груза?

– А ты не заметил, что, помимо вас, ещё пять вагонов? Не спрашивай, что там. Всё равно не расскажу. Но к Олегу сходи.

– Сначала со своими разберусь. До связи.

Капитан положил трубку и задумался. «Ещё час, надо опросить, кого успею, и никого постороннего звать не собираюсь. Заселин был знатным алкоголиком, да и небылицы молодым любил на уши вешать. До какого же состояния все напились, что никто не увидел задыхающегося человека?»

Первым он вызвал к себе своего помощника Макарова.

– Расскажи мне, Коля, что ты помнишь из этой ночи?

– Да что помню, – задумался тот, – пили мы, тосты говорили, ну а потом я спать пошёл, почти сразу после тебя.

– Почему за старшего не остался, как я велел?

– Да ты же меня и не назначал, меня так рубануло, что сил не было на ногах стоять, спать хотелось жутко.

– Дурень ты, Макаров, говорил я тебе как раз, когда сам спать уходил. Да и вообще: ты по факту за старшего остаёшься, когда я отхожу по другим делам, устав не читал?

– Читал, – поджал губы Макаров.

– Кто ещё оставался после тебя?

– Точно не помню, человек десять. Да много кто. Хм... Богданов был, потом этот, новенький, как его, Парфёнов. Это те, с кем я пил.

– Ладно, свободен, зови этих и ещё кого вспомнишь. Надо разобраться, почему человек задохнулся, а ему никто не помог.

– Думаешь, специально? Его тут все уважали, старый мичман был, конечно, болтлив, но дорогу никому не переходил. Серёг, таблеточка от головы есть? Раскальвается после вчерашней ночи.

Капитан пошарил в ящике, удовлетворительно хмыкнул, достал упаковку аспирина и кинул её Макарову. Тот, не сумев поймать её, уронил, сказал «спасибо» капитану, подобрал таблетки и быстро удалился из купе.

Закурив очередную сигарету, капитан начал ждать. Минут через десять к нему поступался Богданов. Он был свеж и бодр. «Не похоже, что пил», – отметил про себя капитан.

– Разрешите? – спросил Богданов.

– Да, заходи. Ну-с, рассказывай.

– Что рассказывать, товарищ капитан?

– Правду: что делал ночью, почему за товарищем не уследил?

Богданов побледнел.

– Да а что следить, старшим меня не назначали, а сказки его детские мне слушать неинтересно, я с другими мужиками общался.

– С кем он был, не помнишь?

– Сначала с Жигановым, это когда вы ещё с ним ругались, а потом не помню.

– Как же, вы с ним одни из последних оставались.

– Неинтересно мне в его компании находиться, не были мы с ним в дружеских отношениях, поэтому и не помню, у меня своих проблем хватает.

– Почему ты не пил? – вдруг резко спросил капитан.

– Товарищ капитан, если вы меня в чём-то обвиняете, так сразу и скажите.

– Так и быть, Богданов. По моей информации, ты был одним из последних, кто видел его в живых, и я имею право полагать, что ты присутствовал при кончине нашего мичмана.

– Доказательств у вас никаких нет, и ничего вы мне предъявить не сможете. – Богданов резко развернулся и быстро вышел из купе, хлопнув дверью.

Капитан просидел ещё часа полтора, но к нему так никто и не зашёл. Он боялся той жизни, что ждала его впереди. Двадцать девять лет на флоте – кто ещё может похвастаться таким стажем? Бóльшую часть жизни он провёл на море или под водой, чем же теперь заниматься? Жить на военную пенсию? После реформ их понизили, денег в стране и так нет. Надо искать работу на гражданке, а что он умеет? Только если охранником куда? Возраст уже не тот, не возьмут. В Калининграде он много историй слышал про мафию, образовавшуюся в его родном городе, про некую шайку сатанистов, воров, про казни. Неужели это всё правда, и он плывёт навстречу именно этой судьбе? А как же страшно было за семью; он только сейчас начал действительно осознавать, в какой опасности они были всё это время! Он надеялся, что застанет их дома, что сделает им сюрприз своим приездом.

Тут зазвонил телефон. На проводе снова был его начальник, «уже генерал» Кулаков Валерий Андреевич.

– Что решил, Серёг? На разговор мало времени, за мной, возможно, следят.

– У меня есть подозрение, что это было спланированное у...

– Тише! Тише! Говорю же, следят.

– В общем, оставляю всё как есть, пусть этим занимается военная комендатура.

– Понял тебя Серёг, понял.

Капитан кинул мобильник обратно в чемодан и снова достал фляжку. Нужно было срочно снять стресс. Он знал, что ему много пить нельзя, но уже ничего не мог с собой поделывать. Коньяк не затуманил мозг, но дал надежду, что всё может закончиться хорошо.

Кулагина он знал давно, ещё с учебки, мерзкий был человек. Только и делал, что завидовал всем, жаловался постоянно. Даже удивительно, что он смог стать главным судьёй. Когда капитан уезжал семь лет назад, тот только перевёлся в их отдел обычным референтом. Уж его-то капитан не боялся.

Спустя полчаса в вагон постучали. Дверь распахнулась, и на пороге появился крепкий парень лет тридцати в коричневой кожаной куртке и в кепке. Он недовольно осмотрел купе.

– Вы тут капитан?

– А ты видишь кого-то ещё?

Парень пропустил вопрос мимо ушей; он всё ещё осматривал купе.

– Меня прислал генерал, я должен вас ввести в курс дела. Кстати по поводу тела. Мы приезжаем примерно через час, через десять минут будем уже в самом городе. Вам повезло, капитан, что мы поедем через Неву. Труп можно скинуть по пути. Из реки его никто вылавливать не будет, всем всё равно. Там таких каждый день с десятков, зато корюшке есть чего пожрать.

Капитана взбесила манера общения парня – слишком уж наглая.

– Ты – Олег, да? Так вот, Олег, я уже рассказал твоему генералу, что ничего с телом делать не будем, а дождёмся приезда. Так что шёл бы ты обратно в свой вагон.

– Дело ваше, капитан, но вот незадача: на этом поезде главный я. К тому же именно мне нужно будет доставить вас в Комитет. Вас давно не было в городе, я уверен, что вы незнакомы с ситуацией. Как тут и что.

– Ну садись, рассказывай, только быстро.

– Быстро не получится, товарищ капитан. Тут основательно нужно всё.

– Кстати, а почему через мост? Мы разве не на Московский вокзал едем?

– Местный, значит? Нет, на Финляндский. Оттуда удобнее и быстрее доставить груз. Ну и к тому же безопасней, ведь на поезд могут напасть.

– Кто на нас нападёт? У вас тут война с кем-то, что ли? На семь лет всего уехал, а тут такое.

– Не поверите, капитан, тут за последние семь лет всякое произошло, даже не удивительно, что вам про это не сообщали. Сейчас в городе совсем другие порядки. На Кировском заводе банда засела, самые большие проблемы от них. У них главный есть, на Апрашке, его называют Королём. Так вот его люди контролируют почти всё от Садовой до Балтийской и ещё чуть западнее, к заводу и порту. Апрашка – главный рассадник наркомании и блядства, а ещё там люди пропадают. На востоке ещё лучше: сатанисты объявились, родоверами себя называют. Поклоняются каким-то старым богам, но народ на их удочки клюёт хорошо. Те набирают последователей каждый день, а неверных, поговаривают, сжигают... Москва нам людей не выделяет, а самим не разобраться. Вы сами-то территориально где живёте?

– Чкаловская. – от слов Олега капитану захотелось сделать ещё один глоточек коньяка.

– Там ещё спокойно – вода и свет есть, а вот нормального городского транспорта нет. А машины только у правительства и у армии. Остаётся либо метро, либо трамвай – они ещё ходят.

Поезд уже проезжал «сортировку». Из окна были видны сотни заржавевших вагонов. Их уже давно никто не использовал. На нерабочих железнодорожных путях всюду росла трава. Здания, в которых некогда работали сотрудники РЖД, стояли почерневшие, с разбитыми окнами.

– Такое чувство, будто город вымер, – сказал капитан, выглядывая в окно.

– А так и есть, пустые улицы тут не редкость. Все ближе к центру переехали, кроме бездомных никого не встретишь. Город уже несколько лет предоставлен сам себе, люди выживают кто как может, никто не собирается ими заниматься. Из-за холода люди переехал на юг. Многие заводы и фабрики закрыли, город перестал зарабатывать. А после начала третьей чеченской содержать всё это стало слишком дорого. Собственно, я понимаю, почему вам ничего не рассказывали – чтоб дезертирства не устраивали. Мало ли кто что вынесет для себя из таких новостей. У вас в Калининграде и так пять дезертиров за семь лет.

– На что тогда город живёт? Как вообще можно было оставить один из самых крупных городов страны вымирать?

– Частные компании занимаются в основном добычей ресурсов, отсюда и рабочие места. Тяжёлый и малооплачиваемый труд, но лучше так, чем замёрзнуть на улице. Кстати, язычники подмяли под себя самые крупные теплицы, и получают реально спелые и сочные овощи, куда лучше привозных. Они продают их на рынках, скот частично остался. Если увидите лошадиную повозку – не удивляйтесь, многие только так перевозят свои товары, бензин слишком дорогой. Некоторые открыли свои пекарни. Еды мало, но она есть, Москва что-то присылает поездом. Теперь-то в городе меньше полумиллиона человек, им хватает.

Внезапно раздался мощный взрыв, и поезд сильно потрянуло. Капитан повалился на пол. Олег удержался за верхнюю койку и выскочил в коридор. Поезд начал резко сбавлять ход. С левой стороны раздалась пулемётная очередь. Стёкла полетели в вагон, сбоку раздался крик боли.

– Капитан, быстро собери людей, у кого есть оружие, пусть открывают ответный огонь, я к машинисту, нельзя чтоб поезд остановился! – Олег, пригнувшись, побежал вперёд, а капитан поспешил в купе Макарова, но тот уже торопился к нему.

– Лёша, срочно беги в соседний вагон, пусть ребята отстреливаются, ты там за главного, я тут. Олег сказал, нельзя, чтоб поезд остановился.

– Кто такой Олег?

– Неважно, давай скорее, делай что говорю!

Макаров поспешил в соседний вагон, а сам капитан окрикивал высовывающихся из своих купе. Началась перестрелка. Капитан достал свой ПМ и присел на корточки у разбитого окна. Крупный калибр легко пробивал стенки вагона и не было понятно, откуда идёт огонь – как назло, шёл дождь. Капитан выглянул в разбитое окно, чтобы хоть немного рассмотреть, куда стрелять, но тут же засвистели пули, несколько пробило входную дверь купе в паре сантиметров от него. Нескольких раненых солдат уже оттаскивали, все ответные выстрелы уходили в никуда, а поезд продолжал замедляться. За долю секунды капитан услышал знакомый свист РПГ, и только успел крикнуть всем «ложись», как раздался сильный взрыв в соседнем вагоне, куда убежал Макаров.

Поезд дёрнуло, но он не остановился и покатился дальше. Выстрелы прекратились. Капитан поднялся и побежал по коридору в сторону второго пассажирского вагона. Вместо двери в тамбуре зияла дыра. Пассажирский лежал перевёрнутым на боку, а за ним стояли грузовые. Ударил молния. Капитан успел разглядеть, что около них уже стояли три чёрных «уазика» с пулемётами на крыше и несколько мотоциклистов. Капитан прицелился, но пистолет дал осечку.

Позади по вагону прибежал Олег и остановился около капитана.

– Генерал меня убьёт... Там же пятьдесят комплектов новой брони... Капитан, я вызвал подмогу. Надеюсь, что из ваших там кто-то выжил, но после такого взрыва... Сомневаюсь.

Капитан ничего не сказал и пошёл осматривать уцелевших бойцов – его бойцов. По всему вагону было разбросано стекло, растекались лужи крови, разраставшиеся из-за хлётского дождя, который теперь мог спокойно заливать весь вагон. Мёртвых было всего двое: оба

офицеры, командиры своих отделений. Их аккуратно переложили в отдельное купе к старшему мичману. Раненых было больше – половина из тех, кто был в вагоне.

Поезд остановился у Ладожского вокзала. Туда уже спешили кареты скорой помощи и военные. Капитан с оставшимися людьми аккуратно вынес всех раненых на платформу. Медики уже спешили им навстречу. Когда капитан убедился, что его людьми занимаются, отошёл в сторонку, достал сигарету и закурил.

– Капитан, угостите? – к нему хромя подошёл Олег.

– Чего хромаешь?

– Зацепило немного, да не страшно, сейчас важнее перекурить.

– Теперь-то, наверно, можешь сказать, что везли в вагонах? Всё равно ничего не получили, а так хоть буду знать, в какую жопу мы вляпались.

– Комплекты экзоскелетов. Десять рабочих, остальные для военных. Новые разработки, более подвижные, чем раньше, больше веса поднимают. А теперь всё пропало... – Олег сплюнул и затыкнулся.

– И кому теперь всё это достанется?

– Ясно же, кому. Королёву и его людям. Но насколько я понял, именно эти были из банды Гробчака. Но он тоже под ним, под Королёвым, хотя у него и людей больше, и влияния.

– Уволят? Как и меня, на пенсию? – усмехнулся капитан.

– Вряд ли. Я у генерала на хорошем счету. Я говорил ему, что надо дополнительное сопровождение, нужна нормальная, вооружённая охрана, а он мне вас в поезд посадил, говорит, вот тебе в помощь, если что. Вас изначально должны были другим рейсом отправить, но решили сэкономить, чтобы поезд туда-сюда не гонять. Но тут опять же разведка недоглядела. Обычно про все их движения мы узнаём заранее, а тут такое... По головке, в общем, не поглядят, но вы и так крутой нрав генерала знаете, верно?

В их сторону шли два врача и солдат. Капитан докурив сигарету, швырнул её под поезд и пошёл навстречу.

– Как они? – нетерпеливо спросил он.

– Семеро в тяжёлом состоянии, остальные жить будут. Небольшие ранения, несколько недель реабилитации им потребуется.

– Хорошо... хорошо...

– С остальными неизвестно. Наши ребята уже зачистили периметр от бандитов. Ищут выживших, – чётко проговорил солдат. Капитан пригляделся и заметил у него две маленькие звёздочки.

– Зачистили, говоришь? Эй, лейтенант, спорим, что, когда вы приехали, ни бандитов, ни товара уже не было. Сколько вы ехали? Минут двадцать? Кто отвечает за операцию, пусть срочно едет сюда! Куда направились бандиты? Как только я позвонил в штаб, вы тут же должны были выпустить дронов! – Олег был очень зол.

– Товарищ майор, ливень же, дроны не смогли...

– Не хочу слушать ничего больше! Поехали в больницу, меня надо немного подлатать, чтоб разгрести всё, что вы тут натворили. – Олег оперся на руку одного из врачей и не спеша пошёл по платформе в сторону привокзальной парковки.

– Мне было велено доставить вас к генералу Кулакову, – опустив голову, сказал лейтенант.

– Боюсь тебя огорчить, парень, но сначала я поеду в больницу со своими бойцами. Когда я буду убеждён, что все получают необходимую помощь, тогда я поеду с тобой. Так и передай это своему генералу.

Глава 3

– Саша, просыпайся! – в большую светлую комнату вошла женщина лет тридцати. – Ну же, вставай, через час придёт профессор Кузнецов, ты забыл? У тебя сегодня учёба.

– Да, я помню, она у меня каждый день, – из-под подушки донёсся сонный голос Саши.

– Уже одиннадцать часов, вставай.

– Отстань, а? Что ты как мать себя ведёшь?

– Может, я тебе и не настоящая мать, но я забочусь о тебе, как о своём собственном сыне! – обиделась женщина.

– Ань, да ты максимум в сёстры мне годишься. А может, лучше в кроватку ко мне залезь, м? Проведём время с пользой.

– Что ты такое говоришь, – покраснела Аня, – у меня есть муж, а ты, между прочим, его сын.

– Да ты расслабься, я же пошутил. – Саша высунул голову из-под подушки и подмигнул. – Всё, иди, сейчас встану, а ты сделай мне лучше завтрак.

Аня молча вышла из комнаты. Саша потянулся на кровати и протяжно зевнул. Он обвёл комнату взглядом. У него было всё, о чём мог мечтать восемнадцатилетний парень: большой телевизор на полстены, множество разных приставок, ноутбук последней модели – отец привёз из Европы. Сами они жили в огромном особняке на Каменном острове, владели собственным генератором, который питал весь дом и участок. Небольшой парк машин, всевозможные модели мотоциклов, собственная пристань с небольшой яхтой, бассейн с подогревом (который можно по желанию сделать крытым) и даже домашний пони. Его жизнь ничем не отличалась от жизни до катастрофы, единственное – он не ходил в общественную школу, а изучал все предметы дома.

Он жил с отцом, который всё время проводил на работе, его женой Аней (после смерти его матери отец долго не думал и взял в жёны молоденькую секретаршу), сводным братом Ромой, разбалованным толстым мальчишкой, и сводной сестрой Полиной. С детьми он почти не общался из-за довольно большой разницы в интересах и в возрасте. Роме было всего семь, а Полине тринадцать. Для своего возраста она отлично владела навыком истерии и могла довести до белого каления даже спокойного отца. Поэтому Саша всё своё свободное время старался провести либо запершись в комнате, либо на улице в компании своего школьного друга. Так планировалось сделать и сегодня.

Профессор Кузнецов пришёл ровно в полдень со своим скучным курсом экономики. Четырёхчасовая лекция была о потреблении и сбыте товаров на мировом рынке. Саша получал образование в главном городском Университете, что на Васильевском острове, однако его отец смог договориться с деканом о том, чтоб все преподаватели обучали его сына персонально, на дому, что хорошо оплачивалось и администрации, и преподавательскому составу. Отец хотел, чтоб сын пошёл по его стопам. Он был владельцем крупнейшей городской компании по добыче и сбыту леса и руководил мебельной фабрикой.

Но Саша не был расположен к карьере предпринимателя и больше любил искать приключения на свою задницу. Даже после того, как ему исполнилось восемнадцать лет, отец пытался как-то его контролировать и, чтобы хоть как-то быть на связи, подарил Саше новенький смартфон и безлимитную связь, что было невероятной роскошью.

После лекции Саша быстро перекусил и отправился обратно в свою комнату; он уже знал, чем займётся сегодня и торопился к телефону. Достав его из настольного шкафчика, он набрал номер старого приятеля.

– Здорово, коротыш! Ты уже на месте?

– Ага, стою у моста, со стороны Петроградки, давай быстрее, холодно.

– Скоро буду.

У его друга Пети тоже был телефон. Чтоб поддерживать постоянную связь, Саша на последний день рождения друга подарил ему простой кнопочный телефон и обязался оплачивать дорогую связь.

Каменный остров хорошо охранялся со всех сторон, поэтому войти на территорию без пропуска или приглашения было невозможно: кордон на мосту из четырёх человек, угрожая оружием, не пускал в охраняемую зону, а Сашин отец запрещал приводить гостей. Поэтому друзья встречались обычно у Каменноостровского моста.

Одевшись потеплее, парень крикнул Ане, что пройдётся подышать воздухом, и вышел на улицу. До моста идти минут пять, дорога была прямая, и он уже видел его начало. Вдоль улицы стояли высокие заборы, где-то каменные, где из железных прутьев; это был самый элитный район города, а их соседями были чиновники, дипломаты и прочие богатые бизнесмены. Место насколько роскошное, что сам губернатор жил тут неподалёку. Соседство с такой важной персоной прибавляло Саше значимости, и он гордо шёл до самого моста. Пройдя его середину, Саша увидел своего друга.

Петя был низкого роста, очень худой, с короткими, кудрявыми тёмными волосами. Собственно, из-за роста его и прозвали коротышкой. После того как его семья съехала со своей квартиры, он стал подворовывать на улице и станциях – им нечего было есть. Его рост, быстрота и ловкость помогали ему ускользать незамеченным, поэтому его до сих пор не поймали, а ведь прошло уже четыре года.

Саша знал, что Петя водится с опасными ребятами. У них была своя банда. Все из малоимущих семей, они обворовывали людей на местных рынках, а более рискованные открыто нападали на безлюдных улицах. Главным успехом для них было поймать какого-нибудь богача, но такие сами редко появлялись в сомнительных и многолюдных местах, чаще отправляя своих помощников. Те, в свою очередь, от толпы внешне мало чем отличались, поэтому удача была не на стороне воров. Они себя так и называли – просто, безвкусно: банда воров.

На фоне своего друга Саша выглядел настоящим витязем. Большой рост, широкие плечи, накачанные в собственном домашнем спортивном зале, голубые глаза и светлые волосы. Единственным видным внешним недостатком были кривые зубы: поставить скобки или брекеты возможности не было, поэтому Саша никогда не улыбался – любой намёк на улыбку выставлял напоказ два уродливых клыка, вылезавших из-под губы.

Парни не виделись больше недели, поэтому им не терпелось рассказать друг другу, что произошло за это время. Новостей как всегда было немало: большинство, конечно, пустяки, но пропустить их они точно не могли. Не успели они пожать друг другу руки, как Петя спросил:

– Куда пойдём? К метро?

– Да, как всегда.

– Слышал про Илюху Гуся? – Петя всегда был довольно краток и любил без прелюдий переходить сразу к делу. – Вчера поймали на Обводном. Обокрал какую-то бабульку. Вроде всё красиво сделал, уже полез на улицу, а его на выходе патруль сразу и принял. Как узнали – непонятно.

– Что спёр-то? Это тот высокий? В костюмчике модном?

– Украшения с прилавка, у частного. По слухам, он представился каким-то чиновником, ты же знаешь, он всегда так одевается, сразу видно, что человек непростой. Ещё есть вероятность, что эта бабка была подставным лицом, на него охоту устроили, он ведь только по драгоценностям, а это самое прибыльное.

– И на сколько его? – спросил Саша.

– А ещё непонятно, в Кресты лет на пять – это при самом лучшем раскладе. Живым оттуда мало кто выходит... Горелого помнишь, я рассказывал? Тоже попался, давно ещё, года полтора назад. Так вот, семь месяцев просидел и помер, сказали, от воспаления лёгких, а там кто же узнает. – Петя немного поёжился.

– Мне, честно говоря, не жалко их никого, нормально работать надо, отец рассказывал, сейчас у них зарплату подняли, я бы тебя туда устроил, да мелкий ты слишком, не потянешь брёвна разгружать. Пошли лучше пивка возьмём, вон ларёк по пути.

Петька остановился и молча вывернул карманы спортивных штанов.

– Я угощаю, не парься, – махнул рукой Саша.

– Пора бы когда-нибудь и мне угостить. – Петька опустил глаза и поплёлся к ларьку. Они практически подошли к станции «Петроградская».

– Ты чего раскис, нормально всё будет, найдём тебе серьёзную работу, вернёшься домой, заживёшь!

– Да устал я от этого дерьма, я бы с радостью бросил это дело, так ведь мать помрёт от голода, да и сам я тоже куда денусь?

– Сестра совсем не помогает?

– Давай не будем про неё, она ушла от нас и вряд ли вернётся.

– Ты никогда не рассказывал, куда она ушла, чем занимается. Я же когда-то был в неё влюблён. – Саша заулыбался, вспоминая былые времена. – Уже столько прошло, а ты отказываешься говорить...

– С ней всё хорошо, и живёт она в шоколаде, больше я тебе ничего не скажу, и давай не будем про это, мне стыдно, что мы с ней родня.

– Ладно, понял, а с работой что-нибудь придумаем для тебя. У тебя даже девяти классов нет, я понимаю, что были обстоятельства, но образование надо получить, даже для самой элементарной работы, без него всё становится проблематичнее.

– Спасибо! – Петя обнял своего друга. Саша понимал, как тому сейчас тяжело. – С седьмого класса мне приходится воровать! Ты помнишь? Помнишь, как нас выгнали из квартиры за какие-то долги? Это было незаконно, они не имели права так делать. Мы оказались на улице, что мне ещё оставалось делать? Как же задолбало всё это! Если бы отец не погиб на этой чёртовой службе...

– Не надо так шуметь, я всё понимаю, вынужденная ситуация. Настало время исправить положение, а я всеми силами хочу тебе помочь. А теперь давай потише, а то тётя Соня нам ничего не продаст.

– Ладно, зайдёшь один? Я не хочу там светиться.

– Тебе как обычно взять?

– Да, возьми «девятку».

Саша, кивнув, зашёл в магазин. Магазином он назывался по старой привычке, на деле это был маленький ларёк под крышей, где продавались еда и напитки сомнительного качества.

– Тётя Сонь, здрасте! – Саша улыбнулся старой толстой продавщице.

– О, юные алкоголики пришли, – усмехнулась она. – Чего тебе? Как обычно, «девятку», четыре банки?

– Всё вы знаете, тётя Сонь, может, вам гадалкой заделаться? – он вытащил из кармана тысячу рублей и положил на прилавок.

– Тебе гадалкой точно не стать. Хоть раз можешь принести без сдачи? Я всю мелочь на тебя трачу! – Она упаковала четыре бутылки в чёрный пакет.

– А я не такой старый для гадалки, – бросил в ответ Саша, схватил пакет и поспешил к выходу.

До места назначения оставалось недалеко, но начал накрапывать дождь, и парни направились к подземному переходу. На подходе они издали заметили патруль, поэтому им пришлось рискнуть и спуститься в переход. Тунеядцев в городе не любили, и в рабочее время мало кто решался прогуливаться по центру – был шанс нарваться на патрульных, а это считалось началом огромных проблем. Сперва предъяви документы, потом расспросы, куда и зачем идёшь, и так далее. А если патрульным не понравится тон, то могут и в участок отвести – для

профилактики. Если Саше отмазаться удастся, так как он студент, то Петя в таких ситуациях – лишь дополнительная проблема.

Уже на подходе к переходу из-под земли повеял ужасный смрад грязных тел, мочи и дерьма. Там жили бездомные в очень больших количествах; в таком, как на Петроградской, вполне могло уместиться человек сто. Патруль туда спускался только лишь по крайней необходимости, поэтому это был верный способ переждать проверку, но и в переходе парни могли найти себе много проблем. Бездомные не жаловали гостей, в таких местах процветало насилие. Много баек рассказывали детям про то, как бомжи на улицах ловят по ночам жителей, забирают их вещи, а потом жарят на костре и едят. Хоть это были и сказки, даже патруль без подкрепления не рисковал заходить в самую глубь перехода. Петя же, не раз побывавший в таких местах, а одно время даже живший в таком, все слухи развеял, и без страха, но с зажатым носом открыл самодельную деревянную дверь и вошёл внутрь.

Картина была не из приятных: уже на лестнице лежали несколько грязных людей; в углу, где раньше стоял киоск, было отхожее место и прямо при них старая женщина в грязном порванном плаще справляла нужду. Саша отвернулся и чуть не блеванул – для него, как человека, привыкшего к комфорту и уюту, это был настоящий ад – и, простояв так десять секунд, распахнул дверь и вышел наружу вдохнуть свежего воздуха.

Патруля нигде видно не было, видимо, они свернули по улице. Теперь проход перед ними был свободен. Огромные часы на старом доме пробили шесть часов, а это означало конец рабочего дня и временное снятие ограничений. Дальше можно было идти спокойно, ни о чём не беспокоясь. Они вошли в знакомую арку, а оттуда – налево в парадную жилого дома. Кинув уже неполную пачку сигарет на стол коменданта, парни без всяких вопросов поднялись на пятый этаж, а оттуда по винтовой лестнице – на небольшую башню. В ней на протяжении последних двух лет, кроме Саши и Пети, никого не бывало. Саша договорился с местным комендантом дома на аренду маленькой комнатки, так же ему предоставили небольшой диван, стол, шкафчик, два стула и матрас. Только тут можно было спокойно попить пивка и покурить что-нибудь интересное, если Пете удавалось достать. Свет и отопление в башню провести было невозможно, и если проблему со светом Саша решил в виде свечей и настенных фонарей на батарейках, то с теплом всё было куда сложнее. Из-за холода башня пустовала почти восемь месяцев; в зимнее время дубак стоял невозможный. Свечи обычно приносил Петя, а фонарями и батарейками занимался Саша, доставая их через отца.

В этом году это был их уже второй заход в башню: температура поднялась до более-менее комфортного градуса, и в куртке было уже совсем не холодно. В башне имелась маленькая дверца, которая выводила на своеобразную смотровую площадку; оттуда по лестнице можно было спуститься на крышу. Саша любил выбираться туда и любоваться городом, каким бы серым и грустным он ни был. Вечер медленно накатывался на заледеневшие улицы, мороз уже спал, но долго сидеть на железной крыше было холодно. Впереди открывалась площадь Льва Толстого. Раньше она являлась главным транспортным соединением Петроградского острова. Два проспекта, Большой и Каменноостровский, пересекались именно в этом месте и соединяли три острова и оба берега Невы. Сейчас же площадь пустовала, только пара диких псов, оглядываясь, бежала вдоль неё.

В паре десятков метров погружались в землю подземные переходы. У входов стояли бочки с огнём, где грелись бездомные. На станцию метро их не пускали, поэтому вход из перехода был заделан металлическими щитами. Несмотря на самодельные деревянные ограждения и дверь, сквозняки у спуска гуляли дикие, зло свистя и морозя находившихся там людей. Переход периодически проветривался так, что на следующий день там обязательно находили пару трупов.

Чуть подальше, высокая и тонкая, качалась телебашня, грозным видом нависая над домами. Было время, когда она ярко светила ночью отечественным триколором, освещая близ-

лежащие улицы. После резкого падения электроэнергии подсветку телебашни отключили. Петя рассказывал, что как-то даже пытался забраться на уже не работающую башню, но она до сих пор охранялась, скрывая в себе тонны бесполезного без электричества оборудования.

Саша поставил пакет с пивом на столик и взял с полки пару пивных стаканов. Помимо них на полке стояли: небольшой фонарь, батарейки и, прислонённая к стене, их с Петькой фотография, сделанная прошлым летом на принесённый Сашиним отцом «полароид». Мало кто в городе мог похвастаться таким антиквариатом, да и мало кому он был нужен в этом сером, замёрзшем городе, с военными и бандитами, бьющимися за территории, с политическими партиями и религиозными группами, бьющимися за право власти, с бедняками и оборванцами, составляющими добрую четверть города. Зимой только от холода погибало с десятков бездомных в день. Забившись во все подвалы и переходы, они вряд ли мечтали о новеньком «полароиде».

Позволить такую теперь уже роскошь могли только богачи с Крестовского и Каменного островов. Многие из них были коллекционерами, поэтому они отправляли своих представителей на поиски «древних реликвий», а те не упускали возможности практически за бесценок урвать золотые украшения или другие вещи, такие как старые картины, бронзовые бюсты и другие прелести старого мира. Где-то попадалась и техника, печатные машинки, граммофоны, а также различные плёночные камеры и «полароиды». Они всегда моментально уходили с аукционов, будь то на станции или на рынке. Людей таких в народе прозвали «еврейчиками» и не очень любили. Они всегда предлагали цену выше, чем мог любой из простых покупателей. На аукционы они ходили с охраной и с чемоданом денег, а на обычные «дела» старались одеваться блёкло, ничем не выделяясь из толпы. Они были хорошими ищайками, отлично знали рынок, имели связи и владели огромным количеством информации. Никто не знал их имён, только клички. Работали они исключительно по рекомендациям, с людьми со стороны иметь дела отказывались.

Уровень нравственности и культуры низшего класса, который составляло великое большинство, упал настолько, что некоторые из молодого поколения не умели не только писать, но и читать. Они жили одним днём и никогда не задумывались о том, что их ждёт впереди. У них на уме были только разборки, лёгкие деньги, дешёвые удовольствия, а использовались они лишь в качестве рабочей силы на добыче леса и заводах. Многие из них состояли в мелких бандах по двадцать-тридцать человек, которые больше занимались разборками между собой, чем грабежом и разбоями. Но как только они переступали закон, на их устранение посылались военный отряд, итогом которого была либо виселица, либо тюрьма. Законы были суровые, условную меру пресечения отменили ещё в две тысячи двадцатом году, за убийство применялась высшая степень наказания – казнь.

Саша разлил пиво по стаканам, поставил на стол и плюхнулся на диван.

– Кинь сигаретку, я свои отдал. Тут прохладно, сюда бы грелку какую-нибудь, – мечтательно осмотрел комнату он.

– Лови, огонёк есть? – Саша помотал головой, Петя достал из кармана коробок, вынул из него две спички, зажёл с первого раза сигарету и крепко затянулся. – Петрович тебе ничего не говорил про курение, верно? – он протянул коробок Саше, но тот отмахнулся, показывая, что нашёл в кармане зажигалку.

– Не помню, вроде ничего не говорил. – Он немного постоял, подумал и, неожиданно что-то вспомнив, сунул руку во внутренний карман утеплённой джинсовой куртки. – Смотри, что достал! – Петя вытащил маленький радиоприёмник.

– Ого, спёр опять у кого-нибудь?

– В среду ходил на Маяковскую, из-под носа у еврейчика вытащил. На хрен ему он нужен был, непонятно, но пару тысяч он за него давал.

– А он с охраной был? Как тебя не заметили?

– Не, один, они даже сначала ничего не поняли. Еврейчик сам продавца отвлек, попросил матрёшку с самой дальней полки, и пока тот за ней лез, дальше, я думаю, ты всё понял. Когда они спохватились, я уже катил в сторону Гостинки.

– А ты проверял, рабочий ли он?

– Он на батарейках, я их не потяну, ты сам знаешь их цену, думал тут проверить, у нас как раз они без дела лежат.

В городе была только одна официальная радиостанция – московское «Радио России». Новости раз в час да старые патриотические песни – больше ничего. При везении можно было найти местных знатоков радиотехники, которые крутили песни разных жанров на своих диапазонах. Но сейчас, когда Саша вставил батарейки, из маленьких квадратных динамиков вещала женщина про историю образования фронтов.

Их на текущий момент и при этом действующих было два. Первый и самый большой находился на Дальнем востоке. Российские военные стояли по всей границе с Монголией и Китаем, а также отгораживали эпидемические участки, включающие в себя Амурскую область, Хабаровский и Приморский край.

Первый год после катастрофы сильно ударил по густонаселённым странам, таким как Китай и Индия, вещала женщина. «Сильный голод заставил людей убивать и грабить, на территории этих стран началась анархия. Мёртвых никто не убирал, они гнили и разлагались прямо на улицах Пекина, Шанхая, Гонконга. После появилась чума. Восточная чума. Она поразила жителей Ближнего и Дальнего Востока, средней Азии и полуострова Индостан. За полгода она унесла миллионы жизней и продолжает свирепствовать до сих пор. Китайский народ хотел найти укрытие в нашей стране, но на границе их ждала наша доблестная армия. Наши солдаты полтора года отбивали враждебные набеги, пока на самых дальних рубежах у солдат не началась лихорадка. В течение суток была создана санитарная зона. Чтоб болезнь не распространялась, жителям этих районов было запрещено покидать территорию санитарной зоны, пока не будет изобретена вакцина. Граница была закрыта и на въезд, исключение предоставлялось только для тех, кто получил разрешение из Москвы. Для малоимущих семей наше правительство ежедневно доставляет туда одежду и продукты питания; также в каждом крупном городе были организованы специальные полевые госпитали для граждан, заражённых чумой. Вакцина ещё не готова, но наши учёные научились сдерживать развитие болезни в организме, давая шанс каждому, кто был заражён».

Второй фронт, в разы меньше по протяжённости, но не менее важный, проходил на юге страны. «После скоростной кончины героя России Кадырова главой Чеченской Республики стал, как известно, некий Джамбулат Назиев. Он в сговоре захватил власть и объявил о независимости Республики, начав Третью чеченскую войну. За ночь войска Назиева при поддержке террористической организации ИГИЛ с боем захватили Черкесск, Нальчик, Владикавказ и Махачкалу, вероломно воспользовавшись отсутствием военных на южных рубежах. Война продолжается до сих пор, а потери ежедневно измеряются десятками». Женщина из радио закончила на грустной ноте, и Петя выкрутил ручку громкости на минимум.

– Надоела эта скукота, который раз уже слышу: война, война, – недовольно покачал головой Петя. – Лучше б о нас думали.

– Это же история! Надо знать, что происходит у нас в стране.

– Это уже не наша страна, сам знаешь, они отвернулись от нас, заставляют жить в холоде и голоде. Послушай, что они говорят: каждый день гуманитарная помощь поставляется, каждый! А нам? Раз в год вагон тухлых овощей привезут – жрите, говорят, а мы и жрём, потому что больше нечего.

– Ты реально думаешь, что им кто-то что-то отправляет? Брось, ничего этого нет. Там ещё хуже, чем у нас, так всегда. Мало того, что мрут от холода и голода, так ещё и от болезней.

– Зачем тогда они такое говорят? – возмутился Петя.

– Чтоб народ думал, что всё хорошо, что правительство справляется с работой, что у них всё под контролем. А я думаю, что они даже вакцину не создают, а если и так, то не для массового производства, а для себя.

– Но ведь это же неправильно, почему они думают только о себе? Они же и так живут богато, у них же есть всё. А в стране так много нуждающихся, им нужна помощь, люди умирают каждый день!

– Потому что все думают, как бы побольше денег заработать, не только для себя, но и для своей семьи, чтоб свои жили безбедно всегда. Наше руководство – оно ведь по головам шло, чтоб встать на своё место, у них нет сожаления к нам, простым людям.

– Неужели нет такого человека, который смог бы побороть такую власть, который искоренит всю эту коррупцию, который будет думать о народе? – грустно спросил Петя.

– Если он и есть, то наверняка ему не дают слова. Кому нужен соперник, у которого не только в лозунгах, но и в мыслях борьба со старой властью? – Саша отхлебнул пива и начал тщательно изучать этикетку. Улыбнувшись от увиденного, он произнёс: – Хватит о политике.

Саша вспомнил историю одного отцовского напарника. Ещё до катастрофы тот был влиятельным политиком, молодым, энергичным – он был одним из основных кандидатов на выборы в президенты в две тысячи восемнадцатом году. Но его кандидатуру отвергли в связи с обнаружением неких финансовых махинаций за границей и впоследствии дали условный срок. После уже пройденных выборов он стал одним из активистов, доказывающих фальсификацию на прошедших выборах. Народ его слушал, народ пытался устраивать шествия и протесты, но в злополучный день, второго августа, на весь мир прогремела катастрофа. Все забыли про политика, хоть он и продолжал выступать в интернете с обвинениями в адрес действующей власти. Но спустя ещё год он пропал. Отец рассказывал, что это было неспроста, он говорил много лишнего и пытался взволновать и так беспокойный народ. Его под шумок и убрали именно в тот момент, когда он был никому не интересен, и никто бы не вспомнил, что такой политик существовал. Отец говорил, что нельзя открыто лезть против системы, а если с ней бороться, то тайно, но его советов не послушал тот приятель и, скорее всего, погиб или сидит в тюрьме за свои громогласные заявления.

– Надо покончить с воровством! – вдруг заявил Петя.

– Так ты с себя начни, – улыбнулся в ответ Саша.

– Да, я думаю об этом. Нельзя так просто взять и выйти из нашей банды. Они люди злопамятные, знают, где я живу, а я переживаю за мать.

– Что же они хотят?

– Им нужны деньги, причём много.

– Сколько? – спросил Саша.

– Полмиллиона, но это примерно.

– Это же безумие! Другой вариант есть? Это же огромные деньги!

– Ты не понимаешь, это специально так! Из банды можно уйти только двумя способами: либо умереть, либо сесть в тюрьму и умереть. А мне надоело! Надоело, слышишь? Четыре года я ворую у честных людей. Я не могу так больше, мне стыдно, всё равно поймают, рано или поздно.

– И что тебе надо, банк ограбить? Ты уже думал, где можно такие деньги взять?

– Не банк, можно ювелирный, но они все хорошо охраняются, и это совсем не мой профиль.

– Слушай, хоть я и никогда не участвовал в ограблениях, может, смогу помочь тебе, друзья же.

– Ты дурак? Тебя же посадят за соучастие, так же, как и меня. Зачем тебе это нужно? У тебя есть будущее, это у меня его нет.

– Отставить панику, у тебя время не ограничено, составим план, продумаем. А если попадёмся, скажем, что заставили, сдашь их всех с потрохами, – уверенно сказал Саша.

– Нет, я не могу так, у них же люди везде, они мстить будут.

– Ты не забудь: если что, папка мой из тюрьмы нас вытащит.

– А точно сможет? – с надеждой в голосе спросил Петя.

– Ну конечно, мы же с тобой с первого класса вместе. Ты мне как брат.

С четырнадцати лет он тайком удирал из дома, лазал по заброшенным домам, участвовал в разборках местных школьников, занимался мародёрством пустых квартир на окраине. Никто не догадывался, откуда он – Саша везде был своим парнем. Став постарше, он больше времени стал уделять учёбе, но в душе всегда мечтал о приключениях, о геройстве. И вот выпадает шанс: помочь лучшему, единственному другу в столь сложном и опасном деле, вытащить его из лап бандитов, а если понадобится, то и спасти от самих военных.

– Давай обдумаем план. – Он сделал два больших глотка из второй бутылки, ещё раз задумчиво глянул на этикетку и спросил: – Интересно, какой раньше был вкус у пива? Наверное, не такой противный и горький, не будут же люди отдавать последнее за эту гадость.

– Я в одиннадцать лет пива не пил, не знаю, глянь, какой год выпуска.

– Прошлогоднее.

– Может, из-за этого такой горький?

– Оно всегда такое, – буркнул Саша.

К пиву они пристрастились не так давно, прошлым летом. Как-то на улице у того же самого подземного перехода, что и сегодня, их окликнул бездомный, обещая угостить «напитком богов», дающим лёгкость в мыслях, храбрость и силу, и потащил недоумевающих парней к ларьку тёти Сони. Удивлённая такой толпой, она возмущённо спросила, на кой чёрт они припёрлись. На что бездомный, представившийся Максимом Лаврентьевичем, попросил три банки «Балтики-9». Тётя Соня потребовала документы у двух друзей, но Максим Лаврентьевич достал свой паспорт и сказал, что берёт себе.

– С вас шестьсот тридцать рублей.

Максим Лаврентьевич кивнул парням в сторону бутылок, мол, оплачивайте, и Саша достал из заднего кармана помятую тысячу, положил на прилавок, забрал всё, бросил продавщице, что сдачи не надо, и с довольной ухмылкой направился в сторону выхода.

– А угостить старого учёного не хочешь? Я же открыл вам настоящее чудо, напиток богов! – покачиваясь из стороны в сторону, сказал старик.

– Это всего лишь пиво, дед.

– Ну какое же это пиво, вы только попробуйте!

Саша, никогда ещё до этого не пробовавший алкоголь, открыл банку, отхлебнул здоровенный глоток, поморщился и с трудом проглотил.

– Что это за дрянь? Пить невозможно, горькое такое.

– Да ты погоди, эффект-то не сразу, дай покажу, как надо.

Максим Лаврентьевич взял у Саши банку и выпил её залпом. Смачно рыгнув, он сказал:

– Эх, спасибо, мужики, сейчас подход бы, опохмелиться надо было. Ну, пойду я, пожалуй, а вы пейте на здоровье, пейте. – И направился обратно к переходу.

После того случая они ещё два раза встречали его. Старик и правда оказался бывшим учёным, дети его выкинули из квартиры, работу он потерял, поэтому и жил в переходе. Он-то им и рассказал, как там на самом деле всё происходит. Первое время он старался жить нормальной жизнью, ходил мыться к реке, стирал одежду, но когда стало холодней, от этой привычки, превращающей его в нормального человека, отказался; из еды они ловили крыс, животных, но никак не людей. Бывало, самые отчаянные пытались обокрасть прохожих, но ничего из тех сказок, какими пугали детей, в переходах не было. Говорят, до зимы он не дожил, слёг с пневмонией.

– Чувствуешь? Веселее стало? Выпей ещё пивка, давай помянем заодно Лаврентича, хороший был мужик.

– Что делать-то будем?

– Вообще-то ты у нас профессиональный вор. Так, значит смотри, что я предложу. Поработай пока на них ещё некоторое время, а я с батьком переговорю, возьмут твою семью под защиту, а ты спокойно сможешь сдать всю эту контору властям. Возможно, кого-нибудь это и заинтересует. Ты и твои дружки крови много попортили, слухи про вашу банду гуляют по всему городу, вы же там все под Королём. А шпионов к вам не заслать, сам говорил, что только пацанят с улиц подбирают, не будет же комитет туда детей отправлять? Может, тебя даже героем сделают – банду раскрыл. Ну! Красиво звучит? Заживёшь так, как хотел, а за этих не беспокойся, всех переловят.

– Да, звучит хорошо, – мечтательно проговорил Петя.

Глава 4

Главврач нашёл капитана в палате, где лежал Макаров, его помощник. Тот был без сознания в крайне тяжёлом состоянии.

– Боюсь, мы не сможем ему помочь, капитан. – произнёс врач, заходя в палату. – У него травмы, несовместимые с жизнью, мне действительно очень жаль. Мы ввели его в искусственную кому, поддерживаем жизнь, но его мозг уже, скорее всего, мёртв.

– Вы уверены, что он не сможет...

– Мы проведём необходимые тесты, обязательно. Но вы должны понимать, даже если есть шанс, мы не сможем в полной мере обеспечить лечение. У нас острая нехватка медикаментов и специальной аппаратуры.

– А что с остальными моими бойцами, как они держатся?

– Почти все, кого нашли в поезде, в крайне тяжёлом состоянии, возможно, некоторые не выживут. Мы направим врачей сначала к тем, кого точно можно спасти, после этого они займутся остальными.

Капитан молчал.

– Вы поймите, мы физически не можем спасти всех. Как бы ни хотелось, но мы должны выбирать. Капитан, вы просидели тут всю ночь, может, сходите, отдохнёте?

– Нет! – отрезал капитан. – Оставьте меня одного сейчас.

– Как скажете. Кстати, вас тут искал солдат, говорит, что вас ждут в комитете. Что мне передать?

– Передайте, что пусть ждут, и не говорите, что я тут. Мне нужно попрощаться.

Капитан вздохнул и повернулся к Макарову. Они служили вместе почти пятнадцать лет. Сердце его ещё билось, но мозг не работал, так сказали врачи. Он хотел спорить, ругаться, ведь видел, как его друг несколько раз шевельнул пальцами. Но врач был неумолим и призывал не продлевать страдания. Он попросил контакты его жены или детей и вышел из палаты.

Посидев ещё немного, капитан решил прогуляться, зайти в буфет. Проходя по коридору больницы, он услышал ругань знакомого голоса. Постучавшись, он аккуратно заглянул в палату. Справа от него на койке лежал Олег, он недовольно ворочался, пытаясь встать, рядом с ним охал и махал руками лечащий доктор.

– Две недели лазарета минимум. – сказал Олегу врач. – Вам сильно повезло, что пуля едва задела мышцу. Лежите, лежите, я говорю, куда вы встаёте? В вашем состоянии полагается покой, аккуратно! Повязки же!

Олег пытался приподняться на локтях, но сильная боль подкосила, и он плюхнулся обратно на койку.

– Две недели минимум! – строго повторил врач, кивнул капитану и вышел из палаты.

Капитан с Олегом остались одни. Олег многозначительно, даже немного удивлённо взглянул на капитана и кивнул.

– Приветствую Олег, как бедро?

– Потихоньку, Сергей?..

– Владимирович.

– Да, Владимирович, извините, забыл. Бедро почти в порядке, врач сказал, жить буду, и это хорошо. Вам хоть ходить разрешают, а меня положили, как с параличом, лежи, мол, и всё. Как нашли меня?

– По коридору шёл мимо вашей палаты, твой голос услышал. Хотя я и до этого слышал, что ты где-то тут лежишь. Расскажи лучше поподробнее, кто это на нас напал. Ты назвал столько имён, я не запомнил.

– Банда Мотоциклистов с Кировского завода. Так они себя называют. Те ещё отморозки. У них там сложная система. Главным считается Королёв, он сидит в своём маленьком русском Вегасе – на Апрашке. Под ним два его, если можно выразиться, заместителя. Один с завода – это Гробчак. А второй около Галереи в гаражах осел, его фамилия Вишневецкий, глава Лиговских фабрик. Признаюсь, они отлично подготовились к нападению. Они точно знали, когда поедет поезд и что нужно было искать. У нас завёлся крот. Из других комитетов никто не мог знать об этой поставке, значит, кто-то из своих. Вам не говорили, наверное, что нашего человека казнили эти ублюдки. Товарищ мой, в академии вместе служили. Оба разведчики. Хороший он был парень. Хуже смерти не придумаешь. Знаете, как они проводят казнь? Лучше б не знать никому. Привязывают человека за ноги и за руки к двум большим автомобилям. Эх... Земля ему пухом.

– Помянуть есть чем?

– Сейчас организуем, – невесело кивнул Олег. – Машка!

По коридору раздались торопливые шаги. В палату вошла молоденькая медсестра, красная как рак, пряча глаза.

– Нам с Сергеем Владимировичем организуй чайку с коньячком. В полном комплекте, ну, ты знаешь.

– Разумеется, сейчас всё будет, – пробормотала медсестра и убежала обратно в коридор.

– Вам, наверное, неприятно будет знать, – продолжил Олег, – но эти твари обчистили почти все трупы за десять минут. Деньги, личное оружие, с кого-то даже берцы умудрились снять. Также увезли почти десяток дорожных сумок с личными вещами. Звери, а не люди, но отдать должное – они очень быстро управились. Когда наши приехали, там уже никого не было. Я слышал, кто-то из ваших выжил?

– Двенадцать, но все в тяжёлом. Многие останутся инвалидами, а ведь парни все молодые... Какое у них теперь тут будущее?

В палату вошла медсестра с подносом, поставила на столик у кровати две чашечки тёмного крепкого чая и бутылку коньяка с двумя рюмками.

– Вы же помните, сколько? – с надеждой в голосе спросила она.

– Ничего не говори мне, я прекрасно знаю свою меру. – он кивнул медсестре в сторону двери. Медсестра поспешно вышла, а Олег, приподнявшись на локтях, подтянулся на матрасе, приподнялся и облокотился на спинку кровати.

– Сергей Владимирович, не нальёте? Я сегодня как без рук. – Капитан налил обе стопки до краёв и протянул одну Олегу. – За тех, кого сегодня нет с нами. Не чокаясь.

– Не чокаясь, – повторил капитан и опрокинул всю жидкость в рот. – Страшно теперь пить. Как вспомню, чем последний раз кончился... Ладно, не буду о плохом. Сколько врачи сказали отлёживаться? Я уже сегодня выписываюсь. Должны дооформить пару документов, и через час-другой свободен.

– Мне ещё две недели. Сам бы ушёл, дел на службе целая куча, но мне даже ногу не согнуть, не готов. Как вам медсестричка? Хороша, видали, какая задница? Эх, хороша, прямо тут бы её!

– У тебя нет семьи?

– Отец в городе работает, мать на пенсии. А так – да, я живу один, так и не женился. Перебиваюсь молоденькими медсёстрами и дочками генералов. Да и не выйдет из меня семейного человека, работа тяжёлая, дома не бываю. Нет, мне точно не до семьи.

– Зря ты так, исполнится тебе пятьдесят, здоровье упадёт, а ухаживать некому.

– С такой работой не доживу. Бандитов столько посадил, наверно, половина Крестов на меня зуб имеет. Знаете, сколько за мою голову платят?

– На кой чёрт ты им нужен... Давай ещё по одной, и я пойду, я тут и так лишние сутки просидел.

– К Кулакову?

– Нет, сначала домой загляну, хочу семью увидеть, а потом уже к Кулакову.

Через полчаса капитан уже переоделся в бежевый плащ, строгие брюки и коричневую кепи, как у советского таксиста. Он неспешно пошёл по Суворовскому, свернул на Кировскую. Где-то над головой светило невидимое солнце – сегодня оно пряталось за тучами и пеплом. Город сильно поменялся. Справа виднелся Таврический сад. Прямо на заборе, перекрывая друг друга, висели разные плакаты. Реклама борделя и казино на Апрашке была самой большой и яркой. С левой стороны стояли посеревшие от грязи дома. В некоторых окна были забиты деревянными досками, остальные стёкла были такими серыми, словно их не мыли несколько лет. Так оно и было: после катастрофы люди стали забывать, что такое чистота и уют. Они сидели в своих тёмных съёмных комнатах, как в норах, и не хотели лишней раз показываться на улице, с ненавистью ходили на нелюбимую работу, молча проклиная начальство и власть. Но другой не было, как и другого выхода. Либо разгребай дерьмо, либо умри от голода.

Чуть дальше на заборе висели плакаты поменьше. Капитан подошёл поближе и увидел портреты четырёх мужчин. Ещё в больнице капитан почувствовал ажиотаж приближающихся выборов губернатора. Не только медсёстры, но и обычно аполитичные солдаты спорили и рассуждали о том, кто же выиграет в этом году. Капитан узнал в одном из них своего старого товарища Кулакова. Помимо него, в выборах будут участвовать бизнесмен-самовыдвиженец, владеющий самой крупной древодобывающей компанией в городе и области, действующий губернатор и главарь Апрашкинской мафии.

Плакаты только-только появились, и все согласованные агитации, митинги и шествия должны были начаться со дня на день. Умы людей были забиты только этими новостями, часть домов уже была разукрашена уличными художниками в портреты и символику кандидатов.

Капитан, подходя к станции метро «Чернышевская», ещё издали заметил одинокий патруль: два человека явно направлялись к нему. Он огляделся. Некогда живая улица, пестревшая магазинами и ресторанами, сейчас была серой и безлюдной. В заброшенных киосках шевелились бомжи, а сам вход метро был закрыт металлическими листами, кроме одной-единственной двери. Капитан двинулся туда, но его уже издали окликнул патрульный, и ему пришлось остановиться и подождать их.

– Ваши документы, пожалуйста, – не успев подойти, гаркнул высокий патрульный с кривым носом. Капитан молча достал из внутреннего кармана свой паспорт и протянул патрульному.

– Где работаете? – патрульный бегло пробежался по паспорту и уставился прямо на капитана. – Почему в рабочее время находитесь не на работе?

– Я сегодня только из больницы выписался, да и какое ваше дело? Для начала сами представьтесь, с кем я разговариваю?

– Лейтенант Новиков. – Представившийся сухо оглядел капитана. – Вы приезжий, вы совсем не знаете местных правил, так?

– Меня никто ни о чём не предупреждал, меня отпустили на день из больницы, повидаюсь с семьёй.

– По новому закону, составленному комитетом, мы обязаны проверять всех лиц, находящихся не на работе. Свободное передвижение по городу ограничено во избежание массовых беспорядков. В райотделе комитета безопасности можно получить временный пропуск. Пропуск первого уровня даёт право находиться на улице в любое время суток. Второго – с семи утра до десяти вечера.

– Нет у меня никакого временного пропуска.

– Тогда мы обязаны вас задержать до выяснения обстоятельств. Не сопротивляйтесь, мы действуем по приказу Комитета Безопасности. – Второй патрульный, куда ниже первого и полноватый, достал наручники.

– Стойте, стойте. Я же сам из вашего грёбаного комитета, – капитан достал свой военный билет и протянул лейтенанту Новикову. Тот им сильно заинтересовался и долго разглядывал.

– Я такого давно не видел. Документ старого образца, вроде и печати все на месте, и даже продлён, странно. Только вот все эти бумажки были уничтожены и заменены, ваш военный билет устарел, вы должны были его заменить три года назад. Вяжи его, Вить, оформим как штрафника.

Второй патрульный сделал шаг в сторону капитана и уже потянулся с наручниками, но капитан, проявив всю свою ловкость, отступил и сильно ударил ногой по руке. Вскрикнув от боли, патрульный здоровой рукой потянулся к кобуре, но капитан повалился на него, не давая достать пистолет. Он успел всё рассчитать: сейчас он отнимет пистолет у этого толстяка и сумеет оградиться от лейтенанта. Но тут он получил сильный удар по затылку. Послышался сильный хруст. Голова закружилась, и он повалился на бок. Глаза заволкло белой пеленой, а тело перестало слушаться. Патрульным удалось положить капитана на землю под визг второго патрульного, кричавшего на всю улицу: «Лежать, сука, лежать». Наручники за спиной защёлкнулись, капитан попробовал повернуться, но ему на спину наступил тяжёлый ботинок. Через несколько минут приехал уазик, капитана закинули в отсек для заключённых и повезли в участок.

Голова сильно болела и кружилась. Он ненадолго отключился, пока ехали. Когда сознание вернулось, он не совсем понимал, где находится: ему казалось, что он на корабле, вокруг дикий шторм и он лежит на полу своей каюты. Но когда он приоткрыл один глаз, оказалось, это был не корабль. Он лежал на полу тюремной камеры, серые стальные прутья окружали его с трёх сторон. Клетка была мала для него – всего два на два метра. Сознание и память потихоньку начали возвращаться к нему, и голова заболела сильнее. Пошарив по карманам, он обнаружил, что у него забрали все вещи: документы, деньги, телефон, даже ключи.

Он попробовал встать, но не смог: в таком возрасте удары по голове бесследно не проходят. Он сел, облокотившись на единственную бетонную стену, закрыл глаза и отключился.

Он снова очнулся, в этот раз уже не сам, а от звука открывающейся двери. В камеру вошёл высокий человек, примерно одного с ним возраста.

– Очухался, наконец. Вопросы я задаю быстро, отвечать на них надо коротко и ясно.

– Иди к чёрту! – капитан попытался сплюнуть, но у него это не вышло, и кровавая слюна потекла по рукаву его плаща.

– Ну-ну, голубчик. Зря вы так, я ведь стараюсь по-хорошему с вами. Там, – он кивнул в сторону выхода, – у нас есть специально обученные люди по вытаскиванию информации, вы с ними желаете познакомиться?

– Когда моё начальство узнает...

– Итак, первый вопрос, всё по порядку. Откуда вы прибыли?

Капитан осознавал, в какую тяжёлую ситуацию попал. Он не понимал, кто именно его допрашивал, но намеревался остаться в живых. Для себя он решил отвечать максимально коротко и неинформативно.

– Калининград.

– Так, хорошо, – допрашивающий что-то записал в свой блокнот. – С какой целью?

– Закончился контракт.

– Видите, как легко отвечать на простые вопросы? Нам даже не пришлось прибегать к насилию, – ухмыльнулся человек. – Что за контракт, на кого вы работали?

– С Балтийским военно-морским флотом, я – военнослужащий, капитан первого ранга!

– Так-так-так. И что же вы забыли тут, а не остались в своём Калининграде?

– Я хочу поговорить с Кулаковым Валерием Андреевичем, вы незаконно меня задержали, а теперь насильно удерживаете! – взревел капитан.

Один из охранников начал стучать по решётке металлической палкой, из-за чего у капитана от звона разболелась голова, и он замолчал.

– Тише, капитан, зачем нам ругаться? Для начала мы должны выяснить, кто вы такой. Вдруг шпион?

Неожиданно в комнату вошли два солдата в чёрной форме с тяжеленными пулемётами в руках. Все присутствующие обернулись, замолчали и уставились на них. Через несколько секунд вошёл высокий человек в военной форме с генеральскими погонами. Капитан с трудом узнал в этом человеке своего друга. Несмотря на пятьдесят девять лет, он выглядел подтянуто и свежо, но морщины и глаза выдавали усталость и недосып.

– Валера! Неужели это ты? – Капитан попытался встать, но сильное головокружение и резкая боль заставили его лечь обратно.

– Что это такое?! Почему этот человек сидит в клетке?

– Т-товарищ генерал, – залепетал допрашивающий, – этот человек не подчинился пат-рулю, предоставил старые документы...

– Конечно, старые! Он только сегодня прибыл в город после семилетней командировки. Уж поверьте мне, вами всеми займётся военная комендатура! Бить гражданских, а? Чтобы завтра ты, – генерал указал пальцем на того, кто допрашивал капитана, – и тот патруль, который посмел избить ни за что человека – завтра ко мне в кабинет, будет серьёзный разговор! А теперь приведите в порядок задержанного и выпустите, наконец, из клетки. Сергей, я жду тебя в своём автомобиле через десять минут. Я оставлю своего человека, если понадобится помощь. Пётр, поможешь нашему другу дойти до машины, если он не сможет сам.

– Есть, товарищ генерал! – отозвался один из бойцов.

Капитан сел. Облокотившись одной рукой о клетку, он ухватился за Петра и встал. Вести-булярный аппарат перестал слушаться, и капитана качнуло в сторону, но всё же он смог устоять на ногах. Через десять минут он уже сидел в новенькой «Волге».

– Ты ребят извини, все сейчас на нервах после нападения на поезд. Сколько лет, дру-жище? Дай же обниму. – генерал приобнял капитана и похлопал по плечу. – Ты почему в больнице не остался? Тебя же искали мои люди, думаешь, просто так? Без новых пропусков сейчас нельзя.

– Домой, Валера. Домой я спешил.

– Понимаю, но сейчас не время. Я тебе всё расскажу по пути.

Капитану не хотелось спорить. Сильно болела голова. Он был рад уже тому, что остался в живых. Мимо прошли два солдата и уселись в рядом стоящий уазик, загрузив на заднее сидение здоровенные пулемёты.

– Как они таскают эти пушки? Тут же килограмм сорок, а ещё сама форма, – удивлённо спросил капитан, наблюдая за бойцами.

– Инновационные технологии. Новый боевой комплект брони. Повышает силу и выносливость за счёт встроенного механического экзоскелета. Да и вообще, довольно многофункциональная вещь. Гордость отечественной разработки. Нам Москва выделила несколько десятков. А потом ещё несколько, вот только сам знаешь, что случилось. В таком комплекте даже ребёнок управится, так что для нас это большая потеря. Целый поезд, мать их...

– Ты подверг опасности моих людей, погубило слишком много моих солдат.

– Я понимаю, Серёга, но это был единственный вариант доставить вас сюда побыстрее. Никто и подумать не мог, что они узнают о поставке. Я догадывался, что эти гады сейчас везде, даже среди моих людей. Ну ничего, всё в корне поменяется, когда я стану губернатором.

– Я видел плакаты. Удивительно слышать от тебя такое.

– За мной сейчас большинство в совете, людям начинает надоедать этот произвол, а я связан по рукам и ногам. Приходится работать тайно.

– Ну ты, Валера, даёшь – губернатор! – удивился капитан.

– Я знаю, что нужно городу, тучи скоро скроются за горизонтом, и мы отстроимся заново.

– Куда мы едем, Валер?

– В Комитет, много вопросов по вам, которые нужно решить немедленно. Кстати, насчёт твоего погибшего не волнуйся. Если начнут спрашивать, скажешь, что погиб при обстреле. Я надеюсь, твои ребята умеют держать язык за зубами?

– Не переживай, умеют.

– Это хорошо, очень хорошо! У нас сейчас и так проблем по горло. Мы на грани войны, банда Королёва слишком много себе позволяет.

– Отвези меня сейчас к семье. Мне действительно надо их увидеть. Прошу, а потом мы поедем в твой долбаный Комитет.

– Ты действительно уверен, что готов? Тебе бы в больницу сначала, по-хорошему.

– Разворачивай машину! – головная боль проходила. Капитан всё больше набирался решительности сперва увидеть родных.

– Ладно, но смотри, недолго. А то опять попадёшь в приключение без документов. – Генерал вздохнул и назвал водителю новый адрес. – Как давно ты связывался с женой?

– Года четыре назад получил последний ответ от неё, потом – тишина.

– Ужасные вещи в то время происходили.

– Мне уже рассказали. Голод, разбои.

– Страшнее. Люди друг друга жрали. Такого тебе никто не сообщит. Хотя знаешь, до сих пор находим свежие объеденные тела.

– Может, собаки?

– Не похоже. Куришь?

Генерал достал из кармана сигару.

– Можно пару раз. Может, голова пройдёт.

– Почта тоже не работает, давно уж. Её не доставить. По прописке сейчас никто не живёт. В основном снимают комнаты. А где ж ты найдёшь человека?

– Значит, и мои съехали? – капитан жадно затянулся. Но голова не прошла.

– Очень может быть. Кто был побогаче, скупал квартиры за бесценок и делал из них общаги. Сейчас так половина города устроена. Денег у людей не было. Они и отдавали. Почти за так. Большинство уехало отсюда, кто-то, наоборот, перебрался с окраин. Все спальные районы закрыты. Электричества хватает только на центр города.

– Не должны переехать. Я им каждый месяц деньги высылал. Должны были жить в достатке.

– Не хочу тебя расстраивать, но, скорее всего, до твоей семьи деньги не доходили. К нам обращались с просьбами разобраться, а кто же этих почтальонов поймают-то. Говорили, что их

грабили, к каждому по сотруднику поставить невозможно. В том числе из-за этого и прикрыли почту. Но ты раньше времени не расстраивайся. Давай сначала доедем.

По пустому городу поездка заняла всего пятнадцать минут. По пути им встретилась всего пара машин. Наконец капитан из окна автомобиля увидел родную парадную. Он жил здесь всю свою жизнь. Выскочив из автомобиля, он быстрым шагом направился к двери. Дверь была не заперта, хотя он отчётливо помнил, что раньше тут был домофон. В парадной было темно. Лишь на лестничной площадке первого этажа стоял стол, а на нём – небольшая лампа.

– Стоять, куда пошёл? – раздался голос из-за стола.

Из-за темноты он не разглядел, что за столом сидел дряхлый мужик, одетый в какие-то обноски.

– Спокойно, друг, я тут живу.

– Что-то я тебя не помню, подойди поближе, рассмотрю.

Капитан осторожно сделал несколько шагов вперёд.

– В какой комнате живёшь?

– Не понимаю. Моя квартира тридцать семь, на четвёртом этаже.

– Квартира? У нас квартиры не сдаются, ты что, врать решил? А ну пошёл отсюда, не то я вызову охрану.

– Вы что-то путаете. Я владелец квартиры, вот мои ключи. В паспорте прописка, посмотрите.

Мужик сорвал телефон и гаркнул в него:

– Мужики, тут какой-то хер пришёл, говорит, что живёт тут, хочет попасть в квартиру. Нет, его нет в списках, выводите его.

Через секунду из самой ближней квартиры выскочили два амбала с дубинками в руках. Капитан сделал пару шагов назад; ему совершенно не хотелось получать по голове ещё раз. Но тут сзади распахнулась входная дверь, и вместе с генералом вошли два бойца с поднятыми наготове пулемётами.

– Так я и знал, что и тут это дерьмо расплозлось. – Он сплюнул.

Амбалы остановились, переглянулись, бросили биты на пол и подняли руки вверх.

– Вот так вот надо показывать свою власть. Эй, ты, – генерал указал на мужика за столом, – быстро поднял свой зад и отвёл нас в нужную квартиру. Я не собираюсь повторять. Отказ выполнять требования законного правительства будет расцениваться мной как угроза для общества. Таких мы устраним на месте.

– Повторите, пожалуйста, номер квартиры, – пролепетал мужик.

– Тридцать седьмая квартира, четвёртый этаж, – повторил капитан.

Мужик открыл один из ящиков стола. Бойцы тут же направили стволы в его сторону.

– Без резких движений, – предупредил его генерал.

– Там ключи, не надо стрелять, – умоляюще прошептал мужик и медленно поднял обе руки. В одной из них была связка ключей.

– Наверх, живо, все трое.

– Я простой комендант дома, я ничего плохого не сделал, – жаловался куда-то в воздух мужик, поднимаясь по лестнице.

Пока они поднимались, капитан учуял очень неприятный запах, тянувшийся от одной из квартир. Поднявшись на четвёртый этаж, комендант ключами открыл дверь и вошел первым.

Капитан, не доходя до двери, ахнул. Перед самым отъездом он сделал евроремонт во всей квартире. Сейчас он уже с лестничной площадки увидел грязные оборванные обои коридора. В квартире было три комнаты. Все они были закрыты на замок, поэтому попасть в них не удалось.

– Что случилось с предыдущими жильцами? – Капитан набросился на коменданта, схватив его за рубашку.

– Съехали, одни из последних, женщина и два ребёнка. Мужик, ты чего, отпусти!

– Куда съехали? Зачем вы отобрали у них квартиру?

– Мы не отобрали, они сами продали, они не смогли платить за воду и свет. Сейчас вообще мало кто может. Полгода они снимали свою же комнату, потом переехали.

– Куда? – капитан еле сдерживался, чтобы не ударить этого несчастного.

– Я не знаю. У них кончались деньги, а тут район не из бедных.

– Вы их просто выгнали?

– Я ничего не мог сделать, не бейте только. Такие правила: не можешь оплатить – съезжай, – чуть не плача лепетал мужичок.

– Кто у вас главный? Кто отвечает за этот дом? – спросил генерал.

– Отрадин Николай Павлович.

– Адрес его, живо!

– Адреса не знаю, могу только телефон сообщить. Мы по нему звоним, если что-то срочное. Номер там, внизу.

Капитан отпустил коменданта, с отсутствующим взглядом вышел из квартиры и побрёл вниз по ступенькам. Сзади что-то говорили ему, но он не слышал, всё продолжая спускаться вниз. Дойдя до машины, он молча сел в неё и заплакал. Было ясно, что в таком большом городе найти человека почти невозможно. Он даже не знал, живы ли они. Всё, о чём он мечтал последние годы, разрушилось.

К возвращению генерала он уже успел успокоиться и просто сидел, прислонив голову к холодному стеклу.

– Мы найдём их, город сейчас не такой уж и большой. Может быть, живут они и не по прописке, зато есть шанс их найти через работу. Кстати, я поговорил с этим Отрадиным. Квартиру тебе вернут, ремонт, конечно, не обещают, но через неделю она будет свободна. Все эти сделки купли-продажи проходят неофициально. Людей запугивают. Но если копнуть глубже, надавить на нужного человека, тебе всё вернут. Серёг, не переживай ты так. Давай по стопочке. Мы найдём их, обещая!

Глава 5

Прошла неделя после злополучного случая с губернатором и его замом. Ничего такого, о чём беспокоился Антон, не произошло. Ему сделали небольшой выговор за то, что, приняв рацию, он не проверил её исправность; также отдельно высказали за случай с женщиной и предупредили, что следующий такой похожий случай будет стоить ему работы. Он заметил скованность в действиях начальства: они сдерживались, чтоб не ругнуться скверным словечком в его адрес, и не лишили премии, что было очень необычно. Любое нарушение строго штрафовалось. Но Антона это всё не сильно беспокоило, он был просто рад, что его не уволили и не сняли с должности старшего.

Сегодня, после окончания дневной смены, он поспешил к метро; оставалось совсем немного времени до начала комендантского часа, и ему надо было вовремя добраться до Апрашки. Совершенно новый мир он открыл там для себя. Круглосуточные бары с дешёвым пойлом любой крепости, бордели, магазины с оружием, наркотиками, лекарствами и таблетками, несколько казино и прочие развлечения для местного народа, включая показательные порки и массовые бои.

Вход на территорию этого «рая» стоил пятьсот рублей, но для «своих» было бесплатно. Людей это мало останавливало, и они, рискуя своими деньгами и свободой, даже после комендантского часа пробирались сюда. Люди залезали в долги, чтоб в очередной раз напиться и трахнуть шлюх.

Апрашка имела собственную охрану. Самые отбитые головорезы были готовы вздёрнуть человека на позорном столбе за любую провинность, благо для посетителей и постояльцев был собственный свод законов и правил. Их разработал главарь Апрашкинской банды, Виктор

Королёв, после того как со своими людьми силой выбил с территории Апраксина двора большинство торговцев кавказской национальности. Говорили, что перестрелки длились несколько недель; в итоге те, кто выжил, либо уехали из города, либо остались торговать, но под контролем и обложенные налогами Короля. С него и пошла молва о королях Апрашки, он был первым и главным последние шесть лет.

У них было собственное электричество, независимое от городского, что сразу ставило этих ребят на порядок выше по сравнению с остальными бандами. Первые попытки правительства отбить эту территорию ни к чему не привели. Из-за нехватки людей председатель Комитета городской безопасности Кулаков остановил нападения и рассчитывал, что через некоторое время придёт подкрепление из Москвы. Пока он ждал, могущество и сила банды выросли, и они основали свой «город в городе».

Позже отношения Апрашки с городским правительством стали более спокойными, сам губернатор приезжал договариваться с Королёвым о перемирии, а также, как поговаривали, о неких неизвестных поставках. С того момента посещение Апрашки перестало преследоваться законом, цены на вход выросли, а народ повалил сотнями.

Кулаков не простил губернатору его соглашение с бандитами и сказал, что отомстит за смерть каждого из своих бойцов. При поддержке совета в городе был объявлен комендантский час, а по улицам пустили патрули. Всех, кто был хоть как-то связан с Апрашкой, везли на допросы.

Антон влекло туда не только из-за развлечений: он пытался выяснить, кто застрелил его хорошего друга. Скорее всего, этот человек был уже мёртв, может, его тоже убили в какой-нибудь перестрелке, ведь жизнь мелкого бандита коротка, но узнать его имя было важно. Некоторые факты он узнал сам, через знакомых знакомого. Друг попал под перекрёстный огонь двух группировок: националистов и последних кавказцев. Раньше крупных стычек между ними не было, но после начала третьей чеченской войны по городу, а в том числе и на Апрашке, начались гонения. Пуля прилетела со стороны националистов: именно они обстреливали магазин, соседствовавший с аптекой, в котором молились кавказцы, а приятель как раз находился рядом.

С тех пор их стало ещё меньше, они притихли и перестрелки закончились. Имени Антон до сих пор не узнал – любой из этой банды мог случайно достать его. Он рассчитывал с помощью своих знакомых из комитета отомстить бандитам, вывести их на нейтральную территорию, где бы их подловили военные, но никаких наводок он до сих пор не нашёл.

Спустя несколько месяцев поисков он привык думать, что приходит сюда, только чтобы найти виновного, но по факту – лишь затем, чтобы выпить или забыться в объёмах платных женщин. За несколько лет он попробовал разных, но остановил выбор на молоденькой Даше. Она слегка напоминала ему его бывшую. Невысокая, с рыжими кудрявыми волосами и небольшой грудью, она выглядела всегда застенчиво, но так заманчиво, особенно когда прикусывала свою нижнюю губку.

Почти сразу у входа, в большом трёхэтажном здании с яркой неоновой подсветкой находился бордель «Белая лошадь». Не спеша Антон прошёлся мимо лавок с одеждой; торговцы с каждого угла, перекрикивая другу друга, грызлись за покупателей, зачастую перегораживая тем пути. Шум Апрашки был слышен от самой станции метро «Садовая» – именно оттуда быстрее всего можно было сюда попасть. Главный вход находился на Апраксином переулке, совсем близко от перекрёстка с Садовой улицей. Все остальные проходы были перекрыты высокими металлическими листами.

Антон поднялся по небольшим ступенькам, ведущим в бордель, когда из двери вывалился толстый человек в смешном костюме; пьяный, он что-то угрожающе кричал в дверной проём.

– Посторонись, малыш! – гаркнул толстяк; слегка пошатнувшись, он наконец освободил проход и с грустным видом поплёлся куда-то вглубь Апрашки. Усмехнувшись, Антон вошёл в распахнутую дверь. Прямо перед ним располагался столик администратора, а за ним стояла милая девчушка.

– Добрый вечер, – улыбнулась она. – Вы у нас впервые или уже заходили? У нас большой выбор девочек на любой вкус и цвет, есть молоденькие, а есть постарше, также у нас...

– Мне Дашу, рыженькую, – перебил её Антон. Он уже сотню раз слышал весь их «ассортимент» и не намеревался выслушивать это в сто первый.

– О, Даша сейчас занята, – она посмотрела на часы, – ещё сорок минут. К тому же ей понадобится привести себя в прядок. Она освободится ориентировочно в одиннадцать вечера. У нас есть и другие свободные девочки...

– Нет, не надо, я буду ждать.

– Тогда пока вы ждёте, я могу предложить вам напитки, на втором этаже у нас есть замечательный местный бар для гостей.

– Нет, нет. На одиннадцать меня запишите, я подойду. – Антон уже собрался уходить, как его окликнула администратор.

– Если вы у нас были, то знаете, что оплата принимается наперёд. Те, кто с нашими правилами не согласен, уходят отсюда ни с чем. Вы, наверно, встретили нашего прошлого посетителя. Только что ушёл.

– Не согласился платить сразу?

– Да, а до этого в течение получаса выбирал себе девочку.

– Нет, я заплачу, сколько нужно, цена не изменена?

– Всё та же, три тысячи рублей в час.

Антон вынул из кармана несколько купюр. Три зелёных тысячных бумажки оказались на столе у администратора. Кивнув на прощание, он вышел из борделя. Никогда прежде при нём Даша не была занята; он понимал, что это её работа, но чувство ревности подступило к горлу, и он направился к бару, чтоб залить мимолётную печаль алкоголем.

Даше было всего двадцать лет, и стоила она, по меркам местных борделей, дорого – за три тысячи в борделях рангом пониже с проституткой можно было кувыркаться всю ночь. Но к Даше у него был не просто похотливый интерес – он находил в ней умную собеседницу. Часто после секса они лежали вместе, обнимались, и Даша рассказывала истории про своё детство, про мачеху, про то, как она поднялась из дешёвой шлюхи в одну из самых желанных женщин. Единственное, о чём Антон просил не рассказывать – про её отношения с другими клиентами.

У неё была очень печальная история. Когда ей было семнадцать, приёмная мать выгнала Дашу из дома. Причин она никогда Антону не рассказывала, но после той ночи она больше никогда её не видела. У девушки не было ни отца, ни родной матери, поэтому она обратилась к одной знакомой – та была взрослее лет на пять и уже работала на Апрашке. Работа несложная, рассказывала подруга, возможно, она тебе даже понравится, приходи. Впервые Даша попала в такое шумное и многолюдное место. На стенах домов висели билборды, плакаты, вывески, переливавшиеся всеми цветами радуги. Пройдя, наверно, половину Апрашки, подруга остановилась у обшарпанной красной двери, на которой висела такая же неопрятная табличка с надписью: «Белая лошадь». Даша обрела новый дом, где её кормили, одевали, давали ночлег; взамен она каждый день отдавала своё тело. С опытом Даши рос статус и привлекательность «Белой лошади». Через несколько лет они переехали на новое место, прямо к главному входу. Теперь их помещения занимали не четыре маленькие комнаты. В новом трёхэтажном доме были прихожая, десять спален, гостиная, бар и пара туалетных комнат.

Название «Белая Лошадь» разошлось далеко за пределы района. В городе висели плакаты с изображением блестящей серебряной лошади на розовом фоне, вокруг которой сидели три полуголые девушки, игриво прикрывая свою грудь рукой. Эти яркие цвета возбудили серый

город и наиболее смелые, втайне от жён, выкладывали последние деньги ради временного общества этих голых женщин.

На главной улице находилось с дюжину кабаков, но он свернул на первом же перекрёстке. В баре «У Мотогонщика» работал его приятель, поэтому он направился именно туда. Заведение было не самым популярным именно из-за его названия – там, по большей части, тусовались байкеры из местной банды, которая базировалась в основном на территории Кировского завода и в старых развалинах Красного треугольника.

Сегодня на удивление было много народу. Антон сумел протолкнуться к барной стойке – там его приятель Илья всю разливал напитки по бокалам и стопкам.

– Удачно ты попал, Антоха, прямо на мою смену! – бармен неспешно налил в бокал жёлтой жидкости и подтолкнул Антону. – Тебе же, как обычно?

– Чем сегодня народ травишь? – тот взял кружку и приветливо кивнул. – Можешь не отвечать, а то пить расхочется. Я смотрю, у тебя новая причёска?

Илья аккуратно провёл пальцами по своему красному ирокезу.

– А ещё новые серьги в ушах и татуха – не поверишь, прямо на заднице! – засмеялся он.

– Очередная пьянка?

– Верно, ты же меня знаешь: проспорил одному лысому бандиту, он так жёстко на меня смотрел, что я не рискнул отказать.

– Чего набили? – Антону приходилось говорить громче и громче, в баре громко играла музыка.

– Jackass. «Придурок» по-нашему.

– Точно, придурок.

– Ха. Да такому амбалу даже ты вряд ли бы отказал. Да ну, зато на память останется.

– Я тебе на могиле это слово выблюю, чтоб все знали, каким ты был. Причёску тоже проспорил? – Антон сделал первый глоток и чуть не поперхнулся. Пиво сильно отдавало кислотой.

– Не, это уже прихоть руководства: раз бар для байкеров, то и я должен выглядеть так же, но мне не впадлу, наоборот, прикольно.

– Не боишься, что тебя патруль тормознёт? Ты выглядишь как вылитый бандит, весь в пирсинге, татухах. – спросил Антон.

– А я отсюда не высываюсь, живу сейчас прямо в баре, договорился с начальством. Вот такой мужик. – Илья выставил большой палец вверх.

– Тебя на Треугольник не зовёт ещё?

– А там делать нечего, заводы одни, почти нет развлечений. Хотя, может, когда опыта поднаберусь, открою там ещё один филиал, надо же расти! Сейчас меня всё устраивает. Пойдём, покурим выйдем. Тебя почти не слышно.

– Давай, бар на кого оставишь?

Илья свистнул в сторону подсобки; оттуда, хромая, вышел волосатый мужик, лет сорока.

– Повар наш, подменяет меня иногда.

Антон с Ильей выбрались на свежий воздух. Свежим его назвать было, конечно, нельзя: облётанные углы, запах мочи и грязи был родным для этого места ещё задолго до катастрофы. Илья достал из заднего кармана джинсов пачку сигарет, открыл её и протянул папироску Антону.

– Всё хотел спросить: по городу ходят слухи, что кортеж правительский подорвали на прошлой неделе, а кто-то говорит, что делегацию из Москвы. Ещё слышал, что это эти сделали, – он кивнул в сторону бара.

– Эти ублюдки пятьдесят наших человек положили, ты представляешь? Подорвали поезд с солдатами!

– Эй, ты потише, не кричи так. Тут же их полным-полно, мне проблемы не нужны. Они под чем-то сидят, может, героин, может, что-то ещё, не знаю, но ты на их морды посмотри – все красные, глазки бегают, хоть я не первый год работаю тут, до сих пор стрёмно, если не понравится им чё, прирежут тут же. Только начальство у них адекватное.

– Простые люди к вам не ходят?

– Ну почему же, ходят, когда у нас местные ребята концерты устраивают. Парни во какие. А по музлу – всё, что я люблю: рок, металл, тяжеляк, в общем. Ты же видел, наверное, сцену в углу? Так я по району побегал, нашёл хорошую аппаратуру, теперь и звук отличный, и народ довольный. Места тут немного, но человек двести, может, влезет. Парни много денег не требуют, зато выхлоп какой с них, народ не только музлу слушать ходит, но и нажраться. Если хочешь, потом с ними познакомлю, у них на следующей неделе концерт у нас. Я их шутя называю ВИА Второй Сорт, но парни нормальные, наркоманы только.

– И много таких групп здесь?

– Всего одна, зато какая! Появлялись одно время конкуренты, но, как обычно, оставались либо без инструментов, либо без головы. Да шутка, чего глаза выпучил, просто народ на них не ходил, вот и заканчивалась их карьера. Никому не переплюнуть наших ребят.

– Если билетик на халяву достанешь, то с удовольствием, – улыбнулся Антон, хоть и никогда не слушал тяжёлую музыку.

– У меня там в баре лежат, заранее закидывают немного, но все покупают, в основном, в день концерта. – Илюха глубоко затянулся сигаретой, задумчиво выпустил дым и спросил: – Ты по какому-то вопросу зашёл или так, развлечься?

– Всё по тому же, что и всегда, – нехотя ответил Антон.

– Хочешь совет? Не связывайся с ней. Попользовался, заплатил и уходи. Дружеский совет.

– Ты на неё тоже виды имеешь?

– Если бы. В последнее время её замечают в компании, – он многозначительно поднял глаза вверх, – Короля, главного Короля.

– Ты хочешь сказать...

– Я ничего не хочу сказать, только то, что у неё теперь более влиятельные клиенты, и со своими чувствами ты вполне можешь нарваться на неприятности.

– Где же ты берёшь эти слухи?

– Ну, обижаешь, я же бармен, слухи – это моя стихия. – Илюха затянулся в последний раз и выкинул сигарету прямо в сугроб: по углам снег ещё лежал. – Ты со мной или уже пойдёшь? Я бы с тобой ещё потусил, но мне работать надо.

– Я, пожалуй, прогуляюсь.

– Не лучшее ты место на земле для прогулки выбрал. Давай, до встречи.

Антон махнул ему рукой на прощание и шагнул в сторону главной улицы. Услышанные новости от Илюхи сильно взволновали его. Для него Даша стала не просто объектом для секса, он был влюблён в неё, как маленький мальчик. Не было ни дня, чтоб он не пришёл к ней с подарком. Да, он баловал её всякими мелочами от шоколадок до украшений. Он был одержим встречами с ней и, имея не самую маленькую зарплату, умудрялся бóльшую половину спускать на неё. Ему не хотелось верить в то, что его милая Даша имеет серьёзные отношения с высокопоставленными бандитами. Она взрослая и самостоятельная, сильная и упёртая. Она не позволит себе такую низость. Антон решил прямо сейчас всё разузнать и направился к «Белой Лошади». Когда до главной улицы оставалось десять шагов, Антон наткнулся на первых прохожих. Перед ним выросли два неизвестных человека, полностью в чёрном, один в капюшоне, другой в чёрной кепке, которые, несмотря на грязь вокруг, выглядели аккуратно.

– Антон? У нас есть к вам дело, нужно срочно поговорить, следуйте за нами.

Ещё проблем с бандитами мне не хватало, подумал Антон.

– Представьтесь, вы от кого? Я сейчас сильно занят.

Человек в капюшоне взял его за локоть и потянул на себя.

– Разговор срочный и не требует отлагательств.

– Никуда я с вами не пойду!

Поразмыслив, Антон понял, что с двумя сразу не справится, к тому же у них могло быть оружие, поэтому самым безопасным решением было просто убежать. Он оттолкнул схватившего его за руку мужика и помчался в противоположную сторону от главной улицы. Недалеко от следующего прохода виднелась небольшая арка в низко посаженном, кривом двухэтажном доме. Он бросился туда и оказался в самом центре чёрного рынка.

Апрашка жила по собственным часам, и пик активности приходился на вечернее время, а утром, после кутежа и веселья, народ отсыпался в местных хостелах, которых было тут как грязи. Антон запетлял между рядов; кинув взгляд назад, он убедился, что двое неизвестных преследуют его, в руках у них до сих пор не было оружия, но уверенности в положительном исходе общения со странными личностями этот факт не прибавил.

Одежда сковывала движение преследующих, поэтому понемногу они начали отставать, но неожиданно перед Антоном выехала телега, полностью набитая тушами свиней. Не успев затормозить, он попытался перепрыгнуть её, но, не рассчитав, споткнулся, упав прямо на мясо и перевернув телегу. Сильно ударившись коленом и получив пару бранных слов в свой адрес, он вскочил и, хромя, свернул в соседний торговый ряд. Апрашку он знал не очень хорошо, поэтому в основном бежал наугад – дальше бара и борделя ему редко приходилось бывать. Неожиданно для самого себя он выбежал на главную площадь, где он был всего раз и не при самых приятных обстоятельствах.

В этот же раз на площади проходили показательные порки: раз в неделю мелких преступников, занимавшихся кражей, прилюдно лупили розгами в назидание тем, кто захочет что-то украсть. Король электричество не жалел, поэтому деревянная площадка, возвышавшаяся метра на два над головами людей, освещалась со всех сторон прожекторами, как будто сейчас планировался боксёрский поединок на большой арене. На ней стоял всего один человек, по росту напоминая ребёнка. Его руки и ноги были обвязаны верёвками, закреплёнными на столбах таким образом, что тело несчастного образовывало пятиконечную звезду. Несмотря на погоду и ветер, человек был гол, ему не удалось прикрыть даже член. Позади него стоял человек в длинном кожаном плаще, широкополой кожаной шляпе и чёрных очках. Он вздымал руки к толпе, пытаясь завести её, она же в ответ кричала и улюлюкала – на площади собралось несколько сотен зевак. Кто-то даже возмущался слишком суровым наказанием, но таких были единицы.

Пытаясь затеряться, Антон ринулся прямо в толпу, мысли сбились в кучу. Кто за ним гнался? Они не были похожи на доброжелателей. Что он мог сделать такого или сказать, чтоб за ним начали погоню? С Ильёй? Вряд ли, никто, кроме них, не присутствовал при разговоре. На местных охранников они не были похожи, скорее всего, частники. Вряд ли его вызывают на светскую беседу. Прощмыгнув мимо какого-то толстяка, Антон заметил узкий проход между домами и резко свернул туда. Добежав до середины, он остановился: пути дальше не было, в пятнадцати метрах от него была едва заметная решётка, её тёмный цвет сливался со стенами домов и грязным асфальтом.

Осмотревшись кругом, он не заметил ни одной двери или окна. Он кинул взгляд вверх. Прямо над ним висела железная лестница. Она была довольно высоко, поэтому с первого раза Антону запрыгнуть не удалось. Со второго раза он вроде бы допрыгнул, но соскользнул и упал, снова ударившись большим коленом. Когда он начал делать новую попытку, в начале прохода показались два силуэта. Один из них ткнул в Антона пальцем, и они оба как по команде помчались в его сторону. Есть, зацепился! – обрадовался Антон и стал медленно подтягиваться вверх на одних лишь руках. Только бы у них не было оружия... В самый последний момент, когда

он уже был готов поставить ногу на первую ступеньку, его сильно дёрнули за эту ногу вниз, руки снова соскользнули, и он упал на спину с двухметровой высоты. Дыхание перехватило, в глазах побелело, он только слышал неразборчивое недовольное бормотание где-то далеко над головой.

– Ну, живой? – услышал Антон более отчётливо слова. – Полей-ка его водичкой, может, полегче станет.

Антон попытался что-то сказать, но от сбитого дыхания он смог только прохрипеть.

– Полежи, полежи чуток. Хорошо, вижу, живой. Зачем побежал-то, дурачок? Думал, мы тебя не поймаем? Уж заставил ты нас побегать. Ну ничего, полежи ещё, пройдёт.

Антон наполовину открыл глаза. Над ним склонились двое мужиков, чуть постарше его, сильно запыхавшиеся. У лысого он разглядел шрам за ухом, когда тот повернулся к своему напарнику, перекинувшись с ним парой слов. Второго Антон разглядеть не смог. Лицо скрывал глубокий капюшон.

– К Даше ты сегодня уже не успеешь. – сказал тот, что в капюшоне, сверкнув бронзовой бородой. – С тобой серьёзные люди хотят поговорить, а ты задерживаешься. Какой-то ты не особо пунктуальный, а теперь ещё и грязный.

Антон, прокашлявшись, только и смог выдавить из себя один-единственный вопрос.

– Кто вы?

– Хороший вопрос, а главное, своевременный. Нет бы на месте разузнать, так нет же, трусливо убежал, поджав свой хвост. Мы – правительство и закон. А теперь вставай, раз заговорил, значит, можешь и идти.

Мужики подняли Антона под локти, нацепили наручники и медленно повели обратно в сторону главной площади.

– Ну так зачем бежал-то? Где-то накосячил? Проблемы имеешь с местными? – не успокаивался лысый. Он был сильно недоволен.

– Не знаю, не понравились вы мне.

Лысый громко заржал.

– Да, похоже, не самого надёжного человека Сергеич выбрал, посмотри, как он. От более серьёзных проблем ты тоже бежишь?

– По вам видно, что вы бандиты. Кто хочет пулю в лоб-то?

– Бандиты или нет, решать не тебе, понял? Тебя абсолютно не касается, чем мы занимаемся и чем живём. Мы отвезём тебя на встречу с одним важным человеком. Ты, в свою очередь, показал себя трусом, который при первой возможности бежит.

– Я не понимаю, о чём вы говорите. Какая тебе на хрен разница, бегу ли я куда-то или стою на месте?

– Тебе повезло, что наш босс сказал, чтобы мы никакого вреда тебе не причиняли. Ох, как же я ненавижу таких, как ты! Может, прострелим ему ногу, а, Сань?

– Оставь его и подготовь мешок. Так, а теперь тишина, молчать, пока не обращусь. – В бок Антона упёрлось что-то узкое и металлическое.

Не успели они выйти на площадь, как на его голове оказался холщовый мешок. Шли в тишине, минут десять, сворачивая постоянно в разные стороны, видно, пытаясь запутать Антона. Шум с площади постепенно утихал – его уводили куда-то совсем далеко. Через пару мгновений его завели в здание: тут стояла тишина, был слышен лишь скрип деревянного пола и лязг открывающегося металлического замка. Даже сквозь мешок Антон учуял сырость и спёртый воздух; казалось, в этом здании никто не появлялся несколько лет. Пройдя всего несколько комнат, они снова вышли на улицу, но уже с другой стороны дома. Выходя, он чуть не упал, не найдя опоры под ногами, и мужики еле поймали его; оказалось, что они всего лишь спускаются по лестнице.

На улице он услышал странный звук – низкое гудение работающего двигателя. Антон сначала подумал, что они проходят мимо какого-то генератора, но тут раздался звук открывающейся дверцы, его голову нагнули, чтоб он не ударился, и усадили на заднее сидение автомобиля. Машины Антон видел хоть и каждый день, но сидел в последний раз в них ещё до катастрофы. К нему неожиданно подкатило то странное детское чувство, когда они с отцом ездили на их дачу. Для него в семилетнем возрасте это было огромным приключением, и сейчас, спустя почти двадцать лет, это чувство пришло вновь.

– Если станет плохо – скажи, нам не хочется отмывать тачку от твоей блевотины.

Как только все уселись, двигатель заревел, и Антона отбросило на спинку. Волнение потихоньку спадало: если его хотели убрать, то сделали бы это прямо в том проходе или в том доме – да вообще в любом месте Апрашки. За убийства хоть и вешали, но далеко не всегда находили убийц. Антон вспомнил, что они знали про Дашу. Но при этом дело вряд ли было связано с ней, так как Виктор Королёв жил прямо на Апрашке, и вести его в неизвестном направлении на профилактическую беседу было не совсем разумным решением.

Антон попытался что-то спросить, но тут же получил тычок в ребро. Без слов было ясно, что ему следует помолчать. Так они проехали минут двадцать. Так же молча его вывели из машины, повели по небольшой лестнице наверх. На входе Антон услышал, как после нескольких ударов кулаком кто-то открыл им дверь и довольно громко отдал воинское приветствие. В ответ его сопровождающие злобно зашипели. Продолжилась очередная минута тишины. Она напрягала.

Антон не решался спросить, куда его ведут – ведь, скорее всего, через пару минут он и так всё узнает, но раздражать своих конвоиров он не хотел, возможно, от них зависела его жизнь. Антона спешно вели по коридорам, поворачивая то направо, то налево. Вероятно, даже если бы он был без мешка на голове, то вряд ли запомнил расположение этого лабиринта из коридоров.

Спустя минуту они без стука вошли в комнату. Антона посадили на стул и сняли мешок с головы. Перед ним за большим деревянным столом сидел тучный, лысеющий человек. Было очевидно, что они зашли в кабинет начальника. Огромная карта города за спиной, исчерченная линиями, несколько портретов выдающихся личностей прошлого, стол для переговоров, вокруг которого стояли пять стульев, обитые красным бархатом, персидский ковёр – всё это выглядело по-аристократически богато. Небольшие серые глазки человека торопливо бегали по документам, лежавшим перед ним; параллельно с этим он что-то писал левой рукой.

– Свободны, – не поднимая головы, приказным тоном бросил человек.

– Владимир Сергеевич, я хотел доложить вам о происшествии, случившемся во время транспортировки этого человека, – отчеканил мужчина в капюшоне.

Владимир Сергеевич поднял на них свой взгляд, всем видом показывая, что не готов выслушивать доклад. Молча развернувшись, оба сопровождающих вышли из кабинета. Как только свет от лампочки выхватил лицо человека, у Антона перехватило дыхание.

– Ты можешь называть меня Владимир Сергеевич. Я, как ты наверно уже догадался, работаю на правительство.

Антон молчал. Ждал, когда заместитель губернатора продолжит говорить.

– Как тебе твоя работа, сынок, нравится? Я слышал, ты на хорошем счету у своего руководства, тебя хвалят, говорят, что ты лучший. Верно говорят?

Антон молча кивнул.

– Я пригласил тебя, чтоб предложить работу поинтереснее.

Вдруг зазвонил один из телефонов. Владимир Сергеевич взял трубку и ответил:

– Слушаю. Да, это я, да!

Даже с трёх метров Антон услышал из телефона взволнованный голос, который что-то быстро докладывал начальству.

– Да не торопись ты, помедленнее... Что? Что хочет губернатор? Чёрт, срочно передай ему, чтоб поспешных решений не принимал, я сейчас подъеду, разберусь. – Владимир Сергеевич с яростью бросил трубку.

– Ну как же всё не вовремя-то... – он снова взял уже другой телефон, набрал короткий номер и, приказав готовить машину к отъезду, снова бросил трубку.

– Напомни, на чём мы остановились, у нас тут дурдом.

– Вы меня похитили, чтоб предложить работу. – Антон совершенно не это хотел сказать, слова сами вырвались.

– Но-но, наконец-то ты заговорил. Знаешь, ты казался мне смелее, когда я видел тебя на посту. И прекращай язвить, мои ребята выполняли свою работу, был приказ срочно доставить тебя ко мне любыми способами. Дело очень серьёзное. Я уже обо всём договорился, в контрразведке не хватает людей. А мне очень нужен человек именно из этого отдела. Сам губернатор положительно высказался в пользу продвижения тебя по службе. Ты получишь полноценный контракт, если согласишься стать моим человеком в комитете. Всё будет выглядеть как успешное выполнение воинского долга и долгожданное повышение. Ты давно перерос свою должность. К тому же будет хорошая зарплата, подумай об этом.

– Неужели у вас настолько бедственная ситуация, что вы берёте человека с улицы?

– Не согласен, все данные на тебя у нас есть, наши люди изучали всех возможных кандидатов и при всём многообразии мы сделали предложение именно тебе. К тому же тяжёлые времена требуют тяжёлых мер.

– Почему вы так в себе уверены? Я же могу выдать все ваши секреты своему начальству. Вы об этом не подумали?

– Подумали, но ты не переживай, у нас всегда есть план Б при неудачной вербовке сотрудника. Мы посчитали тебя достойным вариантом работать на нас, для тебя же это – шанс начать новую военную карьеру, значительно увеличить доход; к тому же в комитете работают люди, которые желают зла нашему губернатору. С твоей помощью мы выведем подлецов на чистую воду. Пойми, ты будешь работать не на меня, а на губернатора. Это не просто служба, это долг перед страной.

– Мне нужно подумать, такое решение нельзя принять сиюминутно.

– Разумеется, но решение тут одно. Даю тебе три дня. Парни! – крикнул заместитель губернатора в сторону двери. – Увозите его!

В комнату зашли всё те же два конвоира, надели на голову Антона мешок и быстро вывели из комнаты. Один из них, судя по голосу, лысый, сказал:

– Отвезём тебя обратно на площадь. И даже не пытайся за нами следить.

Антон вывели из кабинета и снова повели по длинным коридорам таинственного здания. Уже в машине он задумался о своей ситуации. Ведь это дикая удача, что обычный парень из охраны теперь будет работать на губернатора! Видно, совсем в плохом они положении, если обращаются к непрофессионалам. Хоть в кабинете Антон и сказал, что быстрого ответа он дать не может, но решение принял сразу. Кто же откажется от новой должности в комитете? Так ещё и повышение зарплаты, обретение престижа. Интересно, какая же теперь будет должность? Какие обязанности? Неужели он не такой простой, как думал до этого? У него и правда должны быть хорошие рекомендации за эти три года. Нет, точно, не просто так его взяли, он всё-таки чего-то стоит в этой жизни!

Антон улыбался всю дорогу, пока они ехали до Апрашки, и был рад, что из-за мешка его сейчас никто не видит.

Глава 6

Саша застал отца сидящим за рабочим столом поздно вечером. Тот уже несколько дней не приезжал домой вовремя, всё время появлялся ночью, и на разговоры его не хватало – сразу уходил спать. Утром же, как рано Саша ни просыпался, отца дома снова уже не было.

– Пап, мне надо с тобой поговорить. Мне нужна помощь.

– Что стряслось? Я надеюсь, это важный вопрос, потому что у меня не так много времени.

– Конечно, важный, я и так у тебя не часто прошу помощи. Ты же помнишь Петю? У него проблемы.

– Да, помню, твой одноклассник. Не я ли тебе говорил, что запрещаю с ним общаться? Он же из этих гетто, принижённый человек. Откуда ты знаешь его намерения? Он вор, может он и нас обворовать, а ты его в дом собираешься привести. Я же не просто так запрещаю – он из криминального мира, из-за него у тебя могут быть неприятности. По-хорошему, его в тюрьму надо посадить.

– Ты ошибаешься, он отличный друг, мы с ним с первого класса дружим, он никогда на такое не пойдёт! – возмутился Саша. Такой долгожданный разговор сразу пошёл не по плану.

– Мал ты ещё, сынок, и не знаешь, как люди предают друзей.

– Ты хоть выслушай: дело очень серьёзное, может стоить ему жизни.

– Ну?

– Он хочет уйти от всего этого, он даже готов сдать всех, всю эту шайку, но ему некуда обратиться, его семье понадобится защита.

– И чего же ты хочешь от меня?

– У тебя куча связей, ты же можешь позвонить нужному человеку. Неужели у кандидата в губернаторы нет такой возможности? Ты же можешь, пап!

– Нет, Саш, здесь я ничего поделывать не могу, это дела Комитета городской безопасности, – отрезал отец.

– Неужели я так много у тебя прошу? Я же знаю, для тебя это мелочь, ты знаком со всеми в правительстве.

– Не говори то, чего не знаешь. Я же сказал: нет. Больше не собираюсь об этом разговаривать. Если ты закончил, дай мне поработать!

– Ты только о своей работе и думаешь! Тебя даже дома не бывает, я вижу тебя раз в неделю, и как ты при этом собираешься заниматься, как ты говоришь, моим образованием и воспитанием? Как круто. Выставляешь охрану, будто мне десять лет, даже в школу не пускаешь! Ты думаешь, мне нравится торчать тут целыми днями? Школа – дома, университет – дома, мне уже это надоело! А ты знаешь, что не нужна мне эта грёбаная экономика и все эти лекции?! Ты меня даже не слушаешь, да тебе лишь бы по-своему сделать, а чего хочет сын – плевать! Нравится всё контролировать, да? Пожалуйста, у тебя есть новая жена, новые дети, а я, раз ты не собираешься мне помогать, буду решать свои проблемы сам, и если тебе вдруг понадобится помощь в чём-то, обращайся не ко мне, а к своей Анечке!

– Да как ты смеешь повышать голос на отца! Живо в комнату, запрю тебя на месяц, будешь знать, как разговаривать со взрослыми, шенок!

Саша вылетел из комнаты отца, хлопнув дверью. Поднявшись к себе, он принялся доставать вещи из шкафа. Джинсы, свитера и носки полетели на кровать. Саше больше не хотелось тут оставаться, он решил, что пора научиться принимать решения самостоятельно, и собирался уйти из дома. Из-под кровати достал большой чёрный рюкзак и начал складывать вещи. После тёплой одежды в рюкзак полетели зарядка от телефона, чистое нижнее бельё, фонарик, батарейки и ещё немного другого мелкого барахла. Рюкзак, как оказалось, был не такой уж и большой – часть вещей – особенно это касалось одежды – не влезла, поэтому один из свитеров был вытащен и брошен на кровать.

Саша чувствовал злость на отца за то, что тот оставил сына наедине с проблемами, на его работу, которой он уделял слишком много времени, и даже на Аню с детьми, за то, что

они так быстро и внезапно появились в его жизни после смерти матери. Но одновременно с этим он ощущал гордость за себя – за то, что вопреки словам отца он дорожит дружбой и готов даже уйти из дома, чтобы ничего ему не мешало вытащить друга из беды. Когда рюкзак был полностью собран, он остановился и сел.

«Куда же я пойду? – подумал он. – Как глупо, ведь мой уход совсем не поможет делу, а если меня поймают патруль, да ещё и ночью, тут вообще не отвертеться. Либо огромный штраф, на который у меня нет денег, либо несколько суток в Крестах. Страшное место – даже за такое короткое время можно подорвать здоровье и психику. Завтра, точнее, днём, можно спокойно уехать. Пара тысяч у меня есть, можно будет на Апрашке потусоваться, я как раз хотел туда попасть. Там и гостиница наверняка есть, завтра тогда позвоню Пете, будем думать», – сказал Саша сам себе и лёг спать.

Утро выдалось холодным – заморозки в конце мая, хоть уже и привычная, но чертовски неприятная вещь. Очередная лекция была назначена на полдень, но Саша заранее позвонил своему преподавателю и, сославшись на плохое самочувствие, учёбу отменил. Дети уже шумели в соседней комнате, поэтому Аня тотчас освободила кухню; туда Саша и пошёл. Он хотел побыстрее покончить с завтраком, пока дети не перенесли свой ор на кухню. К слову, завтрак был хорош. На здоровенной сковородке томились четыре жареных яйца с кучей ломтей бекона, а на столе стоял кувшин со свежавыжатым апельсиновым соком.

Увидев Сашу, Аня напомнила ему про занятия, которые должны были вскоре начаться, на что он буркнул в ответ, что преподаватель заболел и не придёт. Позавтракав, он поспешил в свою комнату, плотно закрыв за собой дверь. Покопавшись в кровати, нашёл свой мобильник и набрал номер Пети.

– Не разбудил? Здорбво.

– Я только встал, чего так рано звонишь? – ответил ему зевающий голос.

– Есть новости, не самые хорошие. Отец отказался помогать, говорит, нет возможности, но я думаю, что он врёт, поэтому переходим к основному плану. Сегодня сможем встретиться? Через два часа на Апрашке.

– Успею, даже раньше смогу. Значит, он совсем не поможет? Ты уверен?

– К сожалению, да, придётся всё делать самим. А, слушай, чуть не забыл, ты ведь на Апрашке бываешь, там есть нормальные места, чтоб переночевать? Типа гостиницы, – спросил Саша. За ночь он придумал, откуда возьмёт деньги. Ночевать в хостелах он не хотел.

– Да, разные есть. В целом, конечно, хуже, чем на Невском, но цена доступная, на короткое время сойдёт. У тебя кто-то приехать собирается?

– Нет, это я для себя. Я решил уйти, пока твою проблему не решим, а потом посмотрим.

– Тебе делать нечего совсем? Вот не надо из-за меня на такие жертвы идти, ещё и деньги тратить.

– За деньги не переживай. Я знаю, где мой папаша в доме их хранит, возьму, так сказать, в долг. Да и вообще, надоело мне тут, один сплошной негатив. Мачеха эта, её вредные дети, всё надоело. Хочу сам всё делать и сам решать, где и как жить.

– Не делай глупостей, ведь...

– Ты тоже не собираешься мне помогать? – перебил его Саша. Он был настроен решительно и ждал от Пети полной поддержки.

– Нет, что ты, просто ты же знаешь, моя сестра тоже ушла из дома...

– Она же жива, с ней всё в порядке, ты сам говорил ведь. И кстати, почему ты ничего про неё не рассказываешь?

– Последний раз я её видел в прошлом году. Она неплохо устроилась.

– Ну так и где она?

– Она просила не говорить, особенно тебе.

– Ты хотя бы передавал ей мои письма? – хотя последнее он написал года два назад, Саша надеялся получить хоть какой-нибудь ответ.

– Да, только вот она их не читает. Она хочет забыть прошлую жизнь и всех, кто в ней был.

– Жаль, очень жаль. Но это не отменяет нашего дела, встречаемся для начала в нашем месте.

Саша выключил телефон и подошёл к двери. В коридоре было тихо, шум доносился только снизу, из гостиной – дети смотрели телевизор. Пройдя до конца коридора, он упёрся в кабинет отца. Дверь была не заперта, он бесшумно её открыл и прошёлся по дороговому персидскому ковру.

Несколько месяцев назад Саша услышал разговор отца и Ани. Тот рассказывал ей, где лежит записка – на случай, если им срочно понадобится покинуть город. Деньги лежали в одном из нижних ящиков его рабочего стола. И правда, уже с первой же попытки он нашёл нужный. Открыв его, Саша распахнул глаза от удивления и страха – помимо пачек с пятитысячными купюрами на сумму в несколько миллионов, там лежал револьвер. Вытащив из одной пачки полдюжины купюр, он остановил свой взгляд на оружии. Саша для осторожности обернулся, убедился, что за ним никто не смотрит и взял револьвер. Он на удивление тяжело лёг в руку. Шестизарядный «Кольт» выглядел точно так же, как в фильмах про ковбоев: деревянная блестящая рукоятка, длинный ствол и легендарный барабан на шесть патронов. Как бы ни хотелось взять его с собой, пропажу могли обнаружить куда быстрее, чем пару пятитысячных, поэтому он положил оружие назад, закрыл ящик и бесшумно вышел из кабинета. Путь на улицу проходил через гостиную, а там сидела Аня. Пришлось тихо пройти за диваном, так, чтобы она не заметила.

До Петроградской он добрался за пятнадцать минут. Эскалаторы уже не работали, поэтому вниз пришлось спускаться пешком. Последний раз он заходил в метро ещё до катастрофы, а всё это время он гулял рядом с домом, либо же его возили на машине. Станцию он совсем не узнал. Грязный, слегка закопчённый потолок грозно висел над головой. Небольшой ряд ларьков издавал не самые приятные запахи. Электронные часы в центре зала показывали, что до прибытия поезда было ещё семь минут. Поезда были довольно потрёпанные, внутри было не очень чисто, а сами вагоны – изрисованы и исписаны внутри и снаружи не всегда цензурными словами. К двенадцати часам желающих прокатиться было немного – поезд приехал полупустой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.